

КРИСТИНА СОЛЬ

НАЕЗДНИЦА ПОСЛЕДНЕГО ДРАКОНА

18+

Кристина Соль

Наездница последнего дракона

«Автор»

2026

Соль К.

Наездница последнего дракона / К. Соль — «Автор», 2026

Я умерла в понедельник утром, в метро, и последним, о чём успела подумать, был квартальный отчёт. А очнулась среди сожжённой крепости, мёртвых, которые начали вставать, и дракона, который открыл глаза. Он последний в мире. Сто лет он не выбирал никого, а теперь случайно выбрал меня: логиста из Москвы, которая ни разу не сидела даже на лошади и никогда не держала в руках меча. Властитель северных земель Кайрен Вальт десять лет пытался стать наездником этого дракона. Он называет меня своей собственностью. Дракон над ним смеётся. С юга идёт армия мертвецов, половина королевств уже продана некроманту, и единственный огонь, от которого мёртвые сгорают дотла, живёт в моём драконе. Вот только дракон ранен, я не умею летать, а холодный властитель, похоже, знает обо мне больше, чем говорит. Придётся учиться быстро. И считать, как я умею лучше всех.

© Соль К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Руины	5
Глава 2. Собственность	11
Глава 3. Замок Вальт	17
Глава 4. Первые мертвецы	24
Глава 5. Предатель	30
Глава 6. Обучение	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кристина Соль

Наездница последнего дракона

Глава 1. Руины

Я умерла в понедельник, в восемь сорок две утра, на станции «Китай-город», и последним, о чём я успела подумать, был отчёт по казанским отгрузкам.

Не самая достойная последняя мысль. Но отчёт висел на мне с пятницы, начальник отдела Гусев писал в рабочий чат с шести утра, а я стояла на платформе в той плотности, когда чужой локоть упирается тебе в ребро и ты уже не пытаешься выяснить, чей он. Поезд задерживался. По громкой связи дважды извинились за доставленные неудобства, и оба раза голос диктора звучал так, точно неудобства доставил лично он и очень об этом сожалеет. Сверху по переходу всё спускались и спускались люди, и платформа, рассчитанная на обычный понедельник, принимала необычный.

Меня прижали к самому краю, за жёлтую линию, дальше, чем положено. Я помню запах чужого мокрого пуховика у самого лица и женщину с сумкой на колёсиках, которая упрямо протискивалась сквозь толпу и ругалась вполголоса с каждым, кого задевала. Из тоннеля потянуло тёплым сквозняком, на рельсах заиграл отсвет фар, и толпа, почуяв поезд, качнулась вперёд вся разом.

Сзади кто-то побежал. Парень в капюшоне, наверное, опаздывал на тот же поезд, что и все мы. Меня толкнули в спину — неприцельно, без злобы, так толкают в метро каждое утро. Я сделала шаг, которого некуда было делать. Каблук ботинка встал на кромку и поехал.

Падать оказалось долго. Я успела увидеть собственную руку, хватающую воздух, и лицо мужчины в очках, который открыл рот и так и не закрыл. Свет фар вырос до размеров мира. Удар о рельс пришёлся в плечо, второй, сильнее, куда-то под рёбра, и во рту стало солоно. Потом был звук, громче которого я не слышала за всю свою жизнь, и слушать его мне пришлось недолго. Никакого тоннеля со светом в конце мне не показали. Выключили, и всё.

Сначала вернулось горло. Его саднило изнутри, сухо и зло, я закашлялась раньше, чем поняла, что снова умею кашлять. Потом вернулся запах.

Пахло горелым, и я сразу, всем телом, поняла, что горело мясо. У этого запаха есть жирная сладковатая нота, от которой желудок сжимается прежде, чем голова успевает что-то сообщить. Я лежала на спине на твёрдом и неровном, в лопатку упиралось острое ребро камня, а надо мной висело небо — низкое, бурое от дыма, и с него падал снег. Снежинки опускались на лицо вперемешку с хлопьями пепла. Пепел был тёплым, снег холодным, и какое-то время я просто лежала и различала их кожей, потому что это было единственное занятие, для которого не требовалось понимать, где я.

Больница отпадала. Над больницей не бывает неба. Морг тоже, по той же причине, и ещё потому, что в морге, насколько я знала, не кашляют.

Я села. Тело послушалось сразу, без обычного утреннего скрипа. Я ощупала плечо, потом рёбра, потом ещё раз рёбра, уже с недоверием. Ничего не болело. На мне было моё пальто, светло-серое, купленное в сентябре на распродаже, теперь в саже, с прожжённой дырой на левом рукаве, под которой виднелся рукав свитера, тоже прожжённый, а под ним совершенно целая рука. Брюки, ботинки. Сумки не было. В кармане пальто лежал телефон. Он не включался, сколько я ни держала кнопку, и я сунула его обратно — выбросить было жалко, а пользы от него не было никакой.

Я находилась внутри здания, от которого почти ничего не осталось. Каменные стены поднимались мне примерно по плечо, дальше торчали обломанные зубцы кладки. Крыша рухнула,

и её балки лежали поперёк помещения, некоторые ещё горели — низким вязким пламенем, какое бывает у старого просмоленного дерева. Одна из них треснула, пока я смотрела, и выпустила в небо сноп искр. Сквозь пролом в дальней стене виднелась равнина, серая, каменистая, с редкими пятнами снега между валунами, а за ней, очень далеко, стояли горы. Белые, высокие, с плоскими ледяными вершинами. Таких гор нет ни под Москвой, ни в Подмоскowie, ни вообще там, куда меня могла бы отвезти скорая.

На работе я занималась логистикой девять лет, если считать стажировку. Логистика — это когда фура стоит на таможне в Бресте, водитель не берёт трубку, клиент звонит каждые пятнадцать минут, а ты сидишь и первым делом выясняешь, что есть на самом деле. Что обещали и что должно быть, выяснится само, и обычно в худшую сторону. Паниковать можно потом, если останется время. Обычно не остаётся, и это к лучшему. Я заставила себя смотреть.

Тела лежали везде. Я поняла это не сразу, потому что сначала принимала их за мусор, за обломки, за кучи тряпья, и только потом глаз начал собирать из тряпья руки, ноги, запрокинутые головы. Мужчины. Солдаты — это было понятно по кольчугам и по оружию, которое валялось рядом с ними или всё ещё оставалось в их руках. Поверх кольчуг на всех были одинаковые туники без рукавов, тёмно-серые, почти чёрные, с серебряной полосой по краю и вышитым на груди знаком: раскрытое крыло, одно, без птицы.

Ближайший ко мне лежал лицом вверх в двух шагах. Горло у него было разорвано неровно, ключьями, клинком так не режут, и кровь вокруг головы натекла тёмной лужей, которая по краям уже схватилась ледяной коркой. Глаза открыты. Снег падал в них и не таял.

Меня затошнило. Я переждала, глядя в сторону, на горящую балку, на искры, и тошнота отступила, оставив после себя пустую ясность. Мне двадцать девять лет, я никогда не видела мёртвого человека, кроме бабушки в гробу, накрашенной и чужой. Теперь я смотрела на десятки, и никто их не красил.

Дальше лежали ещё. Один без руки. Другой обгорел так, что от лица осталась только форма. Третий сидел, привалившись к стене, с мечом на коленях, и если не смотреть на грудь, где кольчуга была вмята внутрь, его можно было принять за задремавшего в карауле.

Я поднялась на ноги и огляделась ещё раз, уже с расчётом. Выход был один — пролом в дальней стене. До него через всё помещение, через балки, через тела, мимо холма.

Холм лежал у дальней стены, и я долго принимала его за обрушившуюся часть кладки, за груды сланцевых плит, присыпанную пеплом. Серо-чёрный, в потёках сажи, высотой примерно с гараж. Он занимал чуть не треть того, что раньше было залом. Я смотрела на него, прикидывая, можно ли обойти его слева, когда холм вздохнул.

Бок поднялся и опустился. Медленно, тяжело, с тем звуком, с каким выходит воздух из очень больших кузнечных мехов. От этого выдоха с камней перед ним сдуло снег, а я перестала дышать сама, чтобы не мешать.

То, что я приняла за сланцевые плиты, было чешуёй. Каждая чешуйка была размером с мою ладонь у края и с крышку от кастрюли там, где бок был шире всего. Серые, с тёмной каймой, матовые от копоти, кое-где пересечённые светлыми полосами старых шрамов, затянувшихся так давно, что чешуя выросла поверх них неровно, бугром. Вдоль хребта шёл гребень из тупых костяных пластин. Сложенное крыло лежало поверх тела, и перепонка на нём, тёмная и тонкая на вид, в нескольких местах была порвана и срослась заново — рубцы складывались в узор, как трещины на старой краске. Голова покоилась на передних лапах. Размером она была с маршрутку, если маршрутке добавить рога, — два длинных, загнутых назад, и левый обломан на середине. Глаза закрыты. Из ноздрей при каждом выдохе выходил пар, и снег перед его мордой растаял в круглую тёмную проталину.

В моём мире не было драконов. В моём мире была несданная квартальная отчётность, съёмная однушка в Люблино и мама, которая просила звонить хотя бы по выходным. Про маму я думать пока не стала.

Он спал. Или умирал, я не знала, как отличить одно от другого у существа, у которого не должно было быть ни сна, ни смерти, потому что его самого не должно было быть. Мне нужно было пройти мимо него к пролому. Шагов сорок. Я прикинула, куда ставить ноги, чтобы не хрустнуть ничем и никого не задеть, и первым шагом уже почти перенесла вес, когда за спиной что-то проскрежетало по камню.

Звук был негромкий, так скребёт по полу ножка стула, когда его отодвигают. Я обернулась. Солдат с разорванным горлом шевелил пальцами.

Сначала шевелились только пальцы: они сжались и разжались на камне, царапнув ногтями по льду. Потом дёрнулось плечо. Голова перекатилась набок и уставилась на меня, и я увидела, что глаза у него затянуты мутной белёсой плёнкой, какая бывает у варёной рыбы. Он сел. Не так, как садятся люди, опираясь на руки, — его подняло целиком, одним рывком, от поясницы, и голова при этом осталась болтаться чуть позади, потому что держать её было почти нечем.

Изо рта у него не шёл пар. Я стояла на холоде и выдыхала белые облака, у дракона из ноздрей валил пар, а у солдата не было ничего. Он не дышал. Он смотрел на меня и не дышал, и это оказалось страшнее горла. У стены шевельнулся тот, что сидел с мечом на коленях.

Я попятилась. Под ногу подвернулось что-то мягкое, я не стала смотреть, что именно. Первый мёртвый встал на четвереньки и пополз ко мне, быстро и неловко, загребая одной рукой больше, чем другой. Мне нужно было оружие, хоть какое-нибудь. Ближе всего лежал обломок меча — клинок, переломленный на две трети, придавленный телом. Я схватила его за рукоять и рванула на себя, клинок выскользнул из-под трупа боком, и острая кромка прошла мне по ладони левой руки, которой я придерживала мёртвое плечо.

Больно стало не сразу. Сначала я увидела, как по коже побежала красная полоса, быстро набухая, как из ладони закапало на снег — ярко, неприлично ярко на сером. Потом ладонь обожгло, и я зашипела сквозь зубы.

Мёртвый был уже рядом. Я замахнулась обломком и ударила его по плечу со всей силой, какая у меня была. Удар отдался в локоть. Меч рассёк тунику, кольчуга под ней звякнула, и мёртвому было всё равно. Он даже не качнулся. Он поймал полу моего пальто, дёрнул, и я полетела навзничь, выронив меч, спиной туда, где лежал дракон. Я упала на его переднюю лапу, ударилась локтем о твёрдое, прохладное, ребристое, выбросила руку, чтобы удержаться, и порезанная ладонь всей своей мокрой красной раной легла на чешую.

Внутри меня щёлкнуло, коротко и отчётливо. Так входит в паз хорошо смазанная задвижка, так закрывается замок на двери, которую ты долго искал в темноте на ощупь и наконец нашёл. Звука не было: щелчок случился где-то под грудиной, в том месте, где обычно сжимается перед экзаменом, и сразу после него в меня хлынуло.

Холод высоты и разреженный ледяной воздух, в котором трудно держаться и который держит тебя сам, если правильно лечь на него. Тяжесть — огромная, накопленная, древняя, тяжесть такого количества лет, что у меня не нашлось бы для них числа. Усталость, от которой мне захотелось лечь прямо на камни рядом с мёртвыми и больше не вставать. Я чувствовала всё это изнутри, как свою собственную ломоту после гриппа, только ломота была не моя и размером с гору.

А под всем этим, на самом дне, медленно поворачивалось внимание. Оно поднялось сквозь усталость, сквозь холод и тяжесть, и сфокусировалось на мне целиком, до последней клетки. Меня никогда в жизни так не рассматривали, даже мама, когда я в шестнадцать вернулась домой в два часа ночи.

Дракон открыл глаза. Они были золотые. Бледно-золотые, цвета старой латуни, с тёмными прожилками, и зрачок в них стоял узкой вертикальной щелью. Щель расширилась, когда он увидел меня. Он смотрел мне прямо в лицо с расстояния, на котором я могла бы дотронуться до его века.

Мёртвый схватил меня за лодыжку, и дракон двинулся. Я не увидела, как — только то, что сначала его левая лапа была рядом со мной, а потом её там не стало, и раздался звук, с каким ломается под ногой сухой хворост, если хвороста много, а нога весит как грузовик. Пальцы на моей лодыжке разжались. Тёмные брызги легли мне на брюки и на пальто, густые, холодные, совсем не похожие на кровь. Я не стала смотреть, что осталось под когтями.

Второй мёртвый, тот, что сидел у стены, уже шёл к нам, волоча за собой меч по камням. Дракон даже не повернул к нему головы. Хвост, лежавший вдоль всей стены, я до этой секунды и за хвост-то не считала, поднялся, мотнулся коротким ленивым движением, и мёртвого впечатало в кладку с такой силой, что сверху посыпались камни. Он сполз по стене и больше не поднимался. Где-то в другом углу скрёбся третий, и хвост так же небрежно дотянулся и туда. Потом дракон снова посмотрел на меня.

Я сидела у его лапы в разорванном пальто, в чужой чёрной жиже, с кровящей ладонью, прижатой к груди. Дракон смотрел на меня. Я смотрела на дракона. Кто-то из нас должен был сделать первый шаг. Судя по тому, что у него крылья, это я.

Я поднялась, сначала на колени, потом на ноги. Колени дрожали, и я дала им подрожать, пока выпрямлялась: остановить их я всё равно не могла. Дракон наблюдал. Через тот щелчок под грудиной от него шло ровное, очень спокойное ожидание, и я понимала его без всяких слов, как понимаешь интонацию человека, который говорит на незнакомом языке. Он ждал, что я сделаю: закричу или побегу. Ему было одинаково интересно и то и другое.

Я не сделала ничего из этого. Я подняла здоровую правую руку — медленно, ладонью вперёд, как учили подходить к большим собакам, — и сказала вслух, потому что больше ничего не придумала:

— Спасибо.

Голос вышел хриплый, чужой от дыма. Дракон склонил голову набок, совсем чуть-чуть, и я почувствовала от него короткий отклик. Ни слов, ни картинки в нём не было — только ощущение, похожее на то, как большая старая собака приоткрывает один глаз, когда её зовут по имени, и решает пока не вставать. Признание. Принято к сведению.

Он опустил голову и выдохнул мне в лицо. Воздух был горячий и сухой, пах раскалённым камнем, железом и ещё чем-то пряным, горьковатым, чему у меня не нашлось названия. Я не отступила, хотя храбрость тут была ни при чём: просто ноги опять перестали слушаться. От этого выдоха у меня на ресницах растаял снег.

Ладонь болела всё сильнее. Я осмотрела её: порез шёл наискось через всю середину, от основания указательного пальца к запястью, неглубокий, но широкий, и кровь не собиралась останавливаться. Шарфа на мне не было — остался, наверное, на платформе, вместе с сумкой и всем остальным. Я отодрала подкладку от прожжённого рукава пальто, там она и так держалась на трёх нитках, и замотала руку, затянув узел зубами. Вышло криво и неумело. Курс первой помощи я в последний раз проходила на корпоративном тренинге по охране труда, где в основном ели пиццу.

На чешуе драконьей лапы, в том месте, куда легла моя ладонь, остался отпечаток. Красный, смазанный, пять пальцев и середина. Он уже темнел на морозе. Дракон скосил на него глаз, и мне почудилось, что он его рассматривает.

— Что здесь случилось? — спросила я.

Ответ пришёл не сразу. Сначала — усилие, с его стороны, неуклюжее, я почувствовала его так, как чувствуешь, когда человек рядом пытается вспомнить слово на чужом языке и не может. Потом через меня толчками прошли обрывки.

Ночь. Стены, ещё целые, с огнями поверху. Крики, их не слышно, но я знала, что там кричат, по тому, как метались огни. Тени, перелезающие через стену, много теней, медленных, упорных, и ни у одной изо рта не идёт пар. Огонь внизу, в самом здании, — опрокинутая жаровня или факел, сухие балки, вспыхнувшие сразу. Потом взгляд сверху, с высоты,

откуда крепость выглядела горящей щепкой на сером. Снижение. Удар о землю, от которого вздрогнули камни. Мёртвые, разлетающиеся под лапами. И тишина потом, долгая, и усталость, накрывшая его здесь, в пожаре, рядом с теми, кого он не успел.

Потом всё кончилось. Я стояла, держась здоровой рукой за край его чешуи: мне понадобилось хоть за что-то держаться.

— Ты прилетел их защищать, — сказала я. — И опоздал.

Отклик был смутный. Он не соглашался и не возражал. Скорее — отстранялся от этих людей, как отстраняешься от чужого горя, которое уважаешь, но не можешь назвать своим. И тут же, поверх, шло другое, внятное и направленное прямо на меня: он прилетел сюда не за ними. Он не знал, зачем прилетел. Его тянуло. Он подчинился, потому что за очень долгую жизнь научился подчиняться только таким вещам.

Я не стала спрашивать, что его тянуло. Меня и так потряхивало.

Холод добрался до меня только теперь, когда схлынуло первое. Пальто было осеннее, на тонком утеплителе, рассчитанное на путь от подъезда до метро и от метро до офиса, и здешний мороз проходил сквозь него, нигде не задерживаясь. Снег густел. Он ложился на обгорелые балки, на драконий гребень, на лица мёртвых, и на чешуе он не таял, на лицах тоже, и мне очень не хотелось замечать это сходство. Над развалинами кружили вороны, крупные, с сизым отливом на крыльях. Они держались высоко и не садились. Пока здесь лежал дракон, вниз не спустился бы никто, у кого есть хоть капля ума.

Теперь я всё-таки подумала о маме. О том, кто ей позвонит — полиция, с работы, из больницы — и что она сделает, когда положит трубку. Она всегда ставила чайник, если не знала, что делать. Я разрешила себе додумать до конца, до чайника, до того, как она будет стоять у плиты и смотреть на синий газовый огонёк, а потом закрыла эту мысль, аккуратно, как закрывают дверь в комнату, где спит больной. Открывать её здесь было нельзя. Дракон, наверное, почувствовал: его тяжесть на мгновение сдвинулась и легла рядом с тем, что я закрыла, ничего не трогая и ничего не предлагая. Он просто был рядом. От существа размером с дом я ожидала чего угодно, кроме этого.

Ветер переменялся и принёс с юга новую волну дыма, густую и едкую. Я закашлялась, отвернулась и увидела через пролом в стене равнину. На юге, у самого горизонта, стояло тёмное марево, низкое и длинное, похожее на грозовой фронт, который опустился и лёг на землю. Оно не двигалось, насколько я могла судить отсюда. Оно просто было, и дракон, когда я на него посмотрела, отозвался таким глухим, тяжёлым отращением, что у меня самой свело челюсть.

— Туда не пойдём, — сказала я. — Поняла.

Север оставался горами. Запад и восток — той же каменистой равниной без единой дороги, которую я могла бы разглядеть. Воды у меня не было. Еды не было. Была замотанная рука, пальто с дырой, неработающий телефон и дракон, который не выглядел существом, склонным носить на себе случайных женщин.

Я прикинула свои варианты и насчитала два, оба плохие. Либо оставаться у дракона и надеяться, что он не передумает, либо уходить пешком в сторону, где не видно марева, и надеяться уже на всё остальное. Первое было страшнее, второе — глупее. На работе я обычно выбирала страшное, если оно было умнее. Как правило, это окупалось.

Я осталась. Дракон, почувствовав решение, прикрыл глаза, и от него пришло — впервые — нечто похожее на одобрение. Сухое, скупое, едва заметное. Мне стало от этого так легко, что я на секунду забыла про мёртвых. Потом я услышала копыта.

Сначала я уговаривала себя, что это треск балок. Но балки не трещат ритмично. Этот звук шёл с севера, из-за стены, частый и глухой, по мёрзлой земле, и нарастал. К нему примешивался металл: лязг, звон, скрип сбруи. Много коней. Много всадников в железе. Я пригнулась, сама не зная зачем, и дракон под моей рукой напрягся всем телом, от лапы до хребта,

так, что чешуя под пальцами стала твёрдой и холодной, как камень, за который я её сначала и приняла.

От него пришло узнавание. Холодное, резкое, лишённое всякой радости. Он знал, кто едет. Он знал этот звук копыт так, как я знала звук маминых ключей в замке, и то, что он при этом чувствовал, больше всего напоминало то, что я чувствовала в понедельник утром, открывая рабочую почву.

Всадники вынырнули из дыма у пролома. Первый, за ним ещё, ещё, целый отряд, кони храпели и пятились от запаха горелого, от мёртвых, от дракона, и всадники осаживали их жёсткими, привычными движениями. На всех были кольчуги. Поверх кольчуг — тёмно-серые туники с серебряной полосой по краю. На груди у каждого — раскрытое крыло, точно такое же, как на телах вокруг меня.

Первый всадник спешил. Он был без шлема, высокий, в чёрном плаще с меховым воротником, на котором лежал снег, и снег этот он не стряхивал. Тёмные волосы, коротко остриженные. Лицо жёсткое, неподвижное, с той ровной бледностью, какая бывает у людей, выросших в холоде. Он прошёл через пролом, не глядя под ноги, и остановился.

Сначала он посмотрел на мёртвых. На каждого — я видела, как его взгляд переходил с одного тела на другое, задерживался, двигался дальше, и лицо его при этом не менялось ни на волос. По тому, как он смотрел, было понятно, что он знал их всех по именам.

Потом он посмотрел на дракона. Долго. Так смотрят на своё, на дом или на отцовский меч на стене. С правом. Дракон под моей ладонью не шелохнулся, и через связь шло только одно: ровная, спокойная, окончательная отстранённость, как у двери, которую заперли изнутри. Потом он посмотрел на меня.

Я представила, как это выглядит с его стороны. Сожжённая крепость. Его люди, мёртвые, все до одного. Его дракон. И посреди этого — незнакомая женщина в странной одежде, заляпанная чёрной мертвецкой жижей, с окровавленной тряпкой на руке и с ладонью на драконьей лапе, рядом с кровавым отпечатком, который никто, кроме неё, не мог там оставить. Живая, единственная живая здесь. Я бы на его месте тоже не поверила ни одному моему слову.

Его взгляд опустился на мою руку, лежащую на чешуе, и на отпечаток под ней, и задержался там, и в его лице наконец мелькнула перемена, едва заметная, как меняется лёд, когда под ним проходит течение. Он медленно, не отводя от меня глаз, вытянул из ножен меч.

Глава 2. Собственность

Он шёл ко мне с мечом в руке, и я смотрела на его сапоги, потому что на меч смотреть не могла. Так было проще. Сапоги были высокие, чёрные, в серой пыли пепла, и ступали они по камням так, что не задели ни одного тела, хотя тела лежали всюду, а он ни разу не посмотрел под ноги. Этот человек ходил среди своих мёртвых, как ходят по собственному дому в темноте: зная, где что стоит. Меч он держал опущенным, остриём к земле, свободно, без замаха. Почему-то это пугало сильнее, чем если бы он его поднял.

Дракон поднял голову без рывка, и я услышала, как у меня за спиной с шорохом ссыпается снег с его шеи. Голова поднялась выше моей, выше обломанных стен, заслонила кусок бурого неба. Из груди дракона пошёл звук, низкий, на самой границе слуха — я скорее почувствовала его подошвами через камень, чем услышала. Кони у пролома заржали и попятились, кто-то из всадников выругался, кто-то натянул поводья так, что конь присел на задние ноги.

Человек с мечом остановился. Остановился он точно, до шага, там, где кончалась бы досягаемость лапы, если бы лапа захотела его достать, и я поняла, что это расстояние он знает давно и знает хорошо. Ему не нужно было его отмерять.

— Отойди от него, — сказал он.

Я его поняла. Это стало первым, что меня по-настоящему испугало с тех пор, как я открыла глаза, — сильнее мёртвых, сильнее дракона. Он говорил не по-русски. Я слышала чужие звуки, твёрдые, с раскатистым «р» и глухими, горловыми согласными, которых нет ни в одном языке, что я учила в школе. И понимала каждое слово так, точно выросла среди них. Смысл приходил сразу, без перевода, минуя уши.

— Не могу, — ответила я и услышала, как мой рот сам складывает эти горловые звуки, которым меня никто не учил. От этого по спине прошёл озноб. — Если я отойду, я упаду. Ноги не держат.

Это была правда наполовину. Вторая половина состояла в том, что я не собиралась отходить от единственного существа в этих развалинах, которое уже один раз меня спасло.

Глаза у него были серые, очень светлые на смуглом от ветра лице, и смотрели они так, как смотрят на задачу, в условии которой ошибка. Злобы в этом взгляде не было, интереса тоже. Было неудовольствие человека, у которого не сходится.

— Кто ты? — спросил он.

— Катя, — сказала я. — Екатерина Воронова.

Имя ему ничего не сказало, и это было видно. Он чуть сдвинул брови, как сдвигают, наткнувшись в чужом письме на незнакомое слово.

— Какого дома? Чья ты?

— Ничья. Своя собственная.

Кто-то у пролома хмыкнул и тут же осёкся. Человек с мечом не обернулся. Он вообще ни разу не отвёл от меня взгляда, и от этого взгляда хотелось застегнуть пальто на все пуговицы, хотя оно и так было застёгнуто. Потом он закрыл глаза.

Это было странно — посреди пожарища, перед драконом, перед незнакомкой с окровавленной рукой взять и закрыть глаза, как закрывают, когда прислушиваются к далёкому звуку. Лицо у него стало сосредоточенным, неподвижным. Дракон у меня за спиной напрягся, и через тот щелчок под грудиной ко мне пришло раздражение, короткое и резкое, как когда в переполненном вагоне кто-то наступает на ногу и не извиняется. Он чувствовал, что этот человек тянется к нему изнутри, по какой-то своей старой тропе, и ему это не нравилось.

Человек открыл глаза. Пальцы на рукояти меча сжались так, что побелели костяшки, а потом разжались. Он вложил меч в ножны одним движением, не глядя, и мне стало ясно, что там, внутри, куда он ходил с закрытыми глазами, он нашёл что-то, чего не ожидал найти.

— Он тебя принял, — сказал он.

Произнёс он это без вопроса, ровно, так сообщают о смерти или о неурожае. Всадники у пролома зашевелились. Я услышала чей-то шёпот и слово, которое поняла как «наездница», и ещё одно, которое поняла как «невозможно».

— Я не знаю, что это значит, — сказала я. — Я пришла в себя здесь полчаса назад. Может, меньше. На меня полез мертвец, я упала, он меня спас.

— Ты коснулась его кровью.

Я посмотрела на отпечаток на чешуе. Он уже совсем почернел.

— Случайно. Я порезалась, пока доставала меч.

— Ты в это веришь? — спросил он без насмешки и без интереса. Он смотрел на отпечаток, и мой ответ ему, похоже, был не нужен. — Сто лет назад Драконьи дома убивали, чтобы получить такое «случайно». Люди годами жили рядом с драконами и резали ладони у них на глазах. Драконы выбирали одного из тысячи. Этот дракон не выбирал никого с самой войны.

— Выходит, выбрал, — сказала я.

Я совсем не хотела его злить. Просто устала, замёрзла и говорила то, что видела, потому что в голову ничего другого не шло. Он не разозлился, по крайней мере внешне. Он сделал ещё шаг, внутрь той досягаемости, которую раньше так точно соблюдал, и дракон за моей спиной не шевельнулся, только стал ещё твёрже под моей ладонью.

— Меня зовут Кайрен Вальт, — сказал он. — Это мои земли. Это были мои люди. — Он не повёл головой в сторону мёртвых, он и так знал, где каждый из них лежит. — И это мой дракон, Аш. Десять лет он носил меня, и десять лет я держал на нём север. Всё, что берёт мой дракон, принадлежит мне. Так было при Драконьих домах, так будет и теперь. Ты моя собственность.

Дракон издал звук, и сначала я решила, что он закашлялся. Звук вышел короткий, прерывистый, похожий на то, как пыхтит закипающий чайник, и из ноздрей у него вылетели два облачка пара, одно за другим. А через связь на меня плеснуло тем, для чего у меня не нашлось другого слова, кроме одного. Он смеялся. Древнее, измученное, огромное существо, которое десять минут назад давило мертвецов, как хворост, смеялось над человеком, который назвал его своим, — сухо, коротко, с той особенной снисходительностью, с какой старики смеются над молодыми, уверенными, что они что-то понимают в жизни.

Я не знала, что драконы умеют смеяться. Кайрен Вальт, судя по лицу, знал и слышал это не впервые. Только раньше этот смех, похоже, всегда был направлен на него.

— Никто меня не спрашивал, — сказала я, когда пар рассеялся. — Ни он, ни вы. Я не просила ни этой связи, ни этого места. Я умерла сегодня утром. Если вы хотите предъявить права, предъявляйте их тому, кто меня сюда засунул, а я пока сяду, если не возражаете.

И села. Прямо на камень, у драконьей лапы: ноги окончательно отказались меня держать. Сверху это, наверное, выглядело сильнее, чем было на самом деле.

— И ты это помнишь? — спросил Кайрен.

— Помню, как умерла в своём мире. Упала под поезд. — Я поискала понятное слово и не нашла. — Под очень тяжёлую повозку. Потом открыла глаза здесь.

Он молчал. Ветер тянул дым через развалины, и снег шёл уже густо, крупными хлопьями, заштриховывая всё серым. Где-то за стеной переступали кони. Кайрен смотрел на меня сверху вниз, и по его лицу ничего нельзя было прочесть, кроме того, что он думает, и думает быстро. Один из его людей не выдержал раньше.

Он подошёл сбоку, из пролома, — крепкий рыжебородый мужчина в годах, с тяжёлым топором за спиной. Шагнул широко и резко, одной рукой потянулся ко мне, ухватить за плечо, другой — к поясу, где висел нож.

— Властитель, дай я её...

Договорить он не успел. Хвост, лежавший у стены, поднялся, описал короткую ленивую дугу и смёл рыжебородого с ног, так что тот пролетел пару шагов и шлёпнулся спиной в снег, раскинув руки. Топор со звоном отлетел в сторону. Дракон не ударил его, это было видно даже мне. Он его отодвинул, небрежно, как отодвигают со стола чашку, которая мешает, и уже улёгся хвостом обратно, не удостоив упавшего даже взглядом.

Рыжебородый лежал, хватая ртом воздух. Всадники у пролома замерли. Кто-то положил ладонь на рукоять меча и тут же убрал.

Окей, подумала я. Питомец защищает. Это либо хорошо, либо я следующая.

— Бран, — сказал Кайрен, не оборачиваясь. — Встань и займись делом.

Бран встал. Лицо у него было красное, борода в снегу, и на меня он посмотрел так, что я порадовалась хвосту ещё раз. Но он подобрал топор и ушёл за стену, к коням, и больше в мою сторону не шагнул.

— Это на будущее, — сказал Кайрен. Он обращался к своим людям, но смотрел на меня, и голос у него не стал громче ни на тон. — Кто ещё захочет её тронуть без моего приказа, пусть сначала спросит у дракона.

Никто не засмеялся. Мне тоже было не смешно.

Он повернулся к пролому, и там сразу задвигались — это было похоже на то, как по его жесту включилась целая машина. Он заговорил отрывисто, короткими фразами, и люди расходились по развалинам, не переспрашивая.

— Тела собрать. Всех. Кого завалило — вытащить. Масла не жалеть. Головы отдельно, как положено. Сжечь до темноты, пока не пришли остальные.

— Остальные? — спросила я. Никто мне не ответил.

Я смотрела, как они работают, и не могла не смотреть. Мёртвых стаскивали к середине зала, к рухнувшим балкам, укладывали в ряд, и руки у этих людей были грубые, привычные, но не равнодушные. Молодой воин, совсем мальчишка, опустился на колено возле того, с разорванным горлом, которого раздавил дракон, и закрыл ему остатки лица своим плащом. Двое тащили обгоревшего, и один из них, хрипя, сказал другому, что это Эдвин и что у Эдвина остались дети. А тем, кто ещё не вставал, отрубали головы.

Это делали быстро. Коротким ударом топора, на камне, отвернувшись.

Меня опять затошнило, и на этот раз я не отвела взгляда. Что бы здесь ни творилось, мне предстояло в этом жить, если вообще предстояло, и закрывать глаза было бессмысленно — всё равно не поможет. Дракон через связь следил за мной с каким-то новым, пристальным вниманием, и когда меня качнуло, он придвинул лапу, совсем чуть-чуть, так, чтобы я опиралась спиной на неё, а не на ледяной камень.

Кайрен не работал руками. Он ходил между телами и называл имена. Над каждым он останавливался, смотрел, называл имя вслух — тихо, одно слово, — и шёл дальше. Никто за ним не записывал. Я поняла, что записывать и не нужно: он запоминал. Возле одного, седого, в хорошей кольчуге, он задержался дольше, наклонился и снял с его шеи цепочку с чем-то маленьким и блестящим. Спрятал за пазуху. Лицо у него при этом не изменилось совсем, и из всего, что я видела за это утро, именно неизменившееся лицо оказалось хуже всего.

Он ни разу не посмотрел в мою сторону, пока ходил. Но один раз, когда я, оглядывая равнину через пролом, всерьёз подумала о том, не уйти ли мне, пока они заняты, — тихо, вдоль стены, к горам, — он остановился посреди зала и повернул голову. Прямо ко мне. Посмотрел секунду и пошёл дальше.

Я решила, что он просто проверяет, где я. Логично. Я бы тоже проверяла.

— Возьми.

Передо мной стоял тот мальчишка, который накрыл мертвеца своим плащом. Вблизи он оказался не совсем мальчишкой — лет двадцати, светловолосый, с обветренными губами и с

редкой бородкой, которая ещё толком не решила, расти ей или нет. Он протягивал мне бурдюк, кожаный, потёртый.

— Вода, — пояснил он, когда я не взяла сразу. — С вином пополам. Ты кашляешь.

Я взяла. Вода была ледяная, вино кислое, и я выпила больше, чем следовало, давась и не в силах остановиться, пока горло не перестало гореть. Он терпеливо ждал. Сам он при этом смотрел на дракона, снизу вверх, осторожно, со смесью страха и восторга, какую я видела однажды у ребёнка перед скелетом динозавра в музее.

— Спасибо, — сказала я, отдавая бурдюк. — Как тебя зовут?

— Торн. — Он помялся. — Покажи руку.

Я показала. Он разматал мою кривую тряпку, посмотрел на порез, свистнул сквозь зубы и полез в сумку у пояса. Промыл остатками вина из бурдюка — я зашипела так, что дракон за спиной дёрнул хвостом, и Торн на всякий случай отступил на полшага, прежде чем продолжить. Потом наложил на ладонь что-то пахучее, травяное, из маленькой глиняной баночки, и замотал чистой полотняной лентой, туго и ровно, как положено.

— Властитель приказал, — сказал он, закрепляя узел. — Если ты истечёшь кровью по дороге, мы останемся без дракона.

— Трогательно, — сказала я.

Торн посмотрел на меня непонимающе. Я махнула здоровой рукой: не обращай внимания.

— Это правда? — спросил он, понизив голос. — Что он тебя выбрал? Аш же... — Торн снова глянул вверх, на драконью голову, которая висела над нами неподвижно, как изваяние на фронте. — Он же никогда никого. Даже властителя не до конца. Все знают.

— Похоже, правда. Я его чувствую.

— Как?

Я задумалась, как это объяснить. Как объяснить то, для чего у меня самой не было слов, кроме приблизительных.

— Как погоду, — сказала я наконец. — Ты же чувствуешь, когда будет дождь, ещё до того, как он начнётся. Вот так. Только погода — это он.

Торн кивнул так серьёзно, что мне стало его жалко. По лицу было видно, что он собирается запомнить это слово в слово.

— Торн, — позвали его от середины зала, и он ушёл, оглядываясь.

К закату уложили все тела. Масло из запасов крепости нашлось в уцелевшем погребе — несколько глиняных кувшинов, опечатанных воском, — и его вылили на мёртвых целиком, не экономя. Кайрен сам взял факел. Он постоял над рядом, держа огонь опущенным, как держал раньше меч, а потом наклонился и поджёг с одного края.

Пламя пошло быстро, жадно, с треском и чёрным дымом, и снова потянуло тем запахом, от которого я очнулась. Воины стояли вокруг молча. Никто не молился вслух, никто не пел — наверное, у них так не было принято, или не было времени. Кайрен смотрел в огонь. Лица его я не видела, только прямую спину и снег на плечах плаща.

Дракон за моей спиной поднял голову и посмотрел на костёр тоже. От него шло тяжёлое, ровное, древнее — я не сразу поняла, что это. Потом поняла. Он видел такие костры раньше. Много. Так много, что они слились у него в один бесконечный огонь длиной в целый век, и этот был просто ещё одним. Боли от него не шло, только привычка, и это оказалось страшнее.

Я положила здоровую ладонь на чешую и подержала. Не знаю зачем. Дракон не ответил, но и не отодвинулся.

Кайрен вернулся ко мне, когда огонь поднялся в человеческий рост. Он встал передо мной — я всё ещё сидела у лапы — и сказал, глядя поверх моей головы на дракона:

— Мы уезжаем в замок Вальт, это два дня на север. Ты едешь с нами.

— А если я не поеду? — спросила я, потому что должна была это спросить.

Он опустил на меня взгляд. В нём не было ни угрозы, ни раздражения — только та же спокойная сосредоточенность, с какой он считал своих мёртвых.

— Тогда ты останешься здесь одна, без еды и без огня. В одном дне пути отсюда на юг идут те, кто убил моих людей. Они не знают ни усталости, ни холода. Ночью они будут здесь. — Он подождал. — Дракон тебя защитит, пока не устанет. Он устал ещё до того, как прилетел сюда. Ты это знаешь лучше меня.

Я это знала. Я чувствовала эту усталость всё время, фоном, как чувствуешь звон в ушах, когда перестаёшь его замечать. Спорить было не с чем.

— А если я поеду, — сказала я, — то в каком качестве? Пленница? Имущество?

— Наездница моего дракона. — Для него это само по себе было ответом, это слышалось в голосе. — Пока ты жива, он твой. Если ты умрёшь, он уйдёт в горы, как ушёл сто лет назад, когда умер его первый наездник. И никто его больше не увидит. Мне это не нужно.

— Значит, я вам нужна живой, — подытожила я. — Утешает.

Он ничего на это не ответил. Протянул мне руку, чтобы поднять, и я её не взяла — встала сама, держась за драконью лапу и пережидая, пока земля перестанет уходить из-под ног. Рука его так и повисла в воздухе, пустая, и он убрал её без всякого выражения, так же, как вложил меч.

Лошадей гарнизона не нашлось — то ли разбежались, то ли их сожрали, я не спрашивала. Запасных у отряда не было. Кайрен подвёл своего коня, огромного, вороного, с белой проточиной на лбу, и сел в седло сам, а мне протянул руку снова, сверху.

— Я не умею ездить верхом, — сказала я.

— Я умею. Садись впереди.

На этот раз я руку взяла, выбора не было. Он поднял меня рывком, легко, как поднимают мешок с зерном, и усадил боком перед собой, на переднюю луку седла. Конь переступил, я качнулась, и Кайрен придержал меня за пояс, твёрдо и без лишнего, и сразу убрал руку на поводья. Я оказалась зажата между его руками, спиной к его груди, и от него пахло дымом и конским потом, и было невероятно, до обидного тепло. Я решила об этом не думать. Тепло — это просто физика, подумала я, человеческое тело выделяет примерно сто ватт, у меня где-то была эта цифра из школы.

Отряд тронулся. Костёр горел за нашими спинами, всё выше, выбрасывая в темнеющее небо искры, и мы выехали через пролом на равнину, оставляя за собой почерневшие стены и дракона, лежащего среди них.

Он не шевелился. Я обернулась в седле и смотрела на него, пока развалины не скрылись за первым холмом, и он не поднял головы ни разу, и через связь от него шло только ровное, тяжёлое, усталое. Он остался. Я не знала, что должна была почувствовать по этому поводу. Облегчение, наверное: я ведь не просила. Но чувствовала совсем другое, и оно было тоскливое и острое, как бывает, когда уезжаешь и забываешь дома что-то, без чего не обойтись, а поворачивать уже поздно.

— Он полетит? — спросила я, не оборачиваясь к Кайрену.

— Нет, — сказал Кайрен. — Он никогда не летает следом. Он прилетает сам, когда хочет. Иногда через день. Иногда через месяц.

Больше он ничего не добавил, и я поняла, что за этими словами стоят десять лет, в течение которых он звал, а дракон приходил, когда хотел. Вороной шёл спокойной рысью, и Кайрен ни разу не поднял головы к небу.

Мы ехали быстро, рысью, по невидимой мне тропе между валунами. Равнина была серая, пустая, в синих вечерних тенях. Снег перестал, и небо на западе очистилось до полосы густого, холодного, зеленоватого света, какого я никогда не видела над Москвой. На этом свете чернели далёкие горы. Ни дороги, ни единого огонька до самого горизонта. Мир был огромный, тёмный

и совершенно равнодушный, и я ехала через него в чужих руках, с чужим языком во рту, и мне было так страшно, что уже почти не страшно.

Через связь шёл дракон. Он оставался далеко, связь от этого тонышала, как телефонный сигнал в электричке, но не пропадала. И вот в этой тонкой нитке, через час после того, как мы выехали, что-то сдвинулось.

Сначала — тяжесть. Такая, с которой поднимаешься с постели после долгой болезни, когда каждое движение стоит усилия. Потом упор в землю, толчок, мучительный, от которого у меня самой свело мышцы спины и я выпрямилась в седле. Кайрен за моей спиной это заметил, я почувствовала, как он чуть подался назад. Потом — рывок вверх, и воздух.

Воздух ударил мне в лицо изнутри, из-под грудины. Ледяной, упругий, живой. Он наполнил меня целиком, я задохнулась им, хотя на самом деле сидела на коне и дышала обычным вечерним морозом. Земля ушла вниз. Я видела её тем, чем чувствовала дракона, и глаза тут были ни при чём: серую равнину, горящий костёр на месте крепости, крохотный, как свеча, и цепочку тёмных точек, ползущую от него на север. Всадников. Нас.

Он летел следом.

— Кайрен, — сказала я, и голос у меня сорвался, потому что внутри меня всё ещё поднималось, выше, выше, в ту зеленоватую полосу на западе.

Он уже слышал. Позади нас, из-за холмов, донёсся звук — тяжёлый, мерный, похожий на хлопанье мокрого паруса на ветру, только громче во много раз. Кони в отряде шарахнулись, один воин вылетел из седла и выругался в снегу. Вороной под нами вздрогнул всем телом, и Кайрен удержал его одними коленями, не поднимая рук. Над нами прошла тень.

Дракон летел низко, так низко, что по земле протащило ветром снег и мелкие камни, и я увидела его всего — крылья, раскинутые во всю ширь, с порванными и сросшимися перепонками, просвеченными закатом, длинное тело, хвост, вытянутый в струну. Он был громадный. На земле, свернувшийся, он был горой, в небе стал чем-то, для чего у меня не было размеров. Он прошёл над отрядом, развернулся, заложив широкий круг, и снова прошёл, над самыми нашими головами. Над нами с Кайреном.

И от него через связь шло одно, простое и ясное, как дорожный указатель: я здесь. Ты там. Я рядом.

Кайрен молчал. Руки его на поводьях не дрогнули, спина за мной оставалась такой же прямой, и дыхание не сбилось. Но я сидела, прижатая к нему, и чувствовала то, чего не видела: как долго, очень долго он не выдыхал.

Дракон поднялся выше, лёг на ветер и пошёл впереди отряда, на север, неторопливо, так, чтобы мы не отставали. Он летел туда, куда ехали мы. Он ни разу за десять лет не делал этого для Кайрена Вальта, и Кайрен Вальт смотрел ему вслед всю дорогу до ночного привала.

А я смотрела на Кайрена Вальта, и впервые с утра мне было его немного жаль. Совсем немного: он всё ещё считал меня своей собственностью.

Глава 3. Замок Вальт

Замок я увидела на исходе второго дня, и первым, что я в нём увидела, был дракон. Аш сидел на самой высокой башне. Он обхватил её лапами, как кошка обхватывает столбик забора, сложил крылья и опустил голову вниз, к дороге, по которой мы поднимались, и с такого расстояния походил на огромную каменную горгулью, которую какой-то безумный зодчий посадил туда много веков назад. Только горгульи не поворачивают голову вслед за всадниками. Этот поворачивал.

Через связь от него шло ожидание. Спокойное, ровное, чуть снисходительное, как у человека, который приехал на встречу раньше всех и теперь сидит с чашкой кофе и смотрит, как опоздавшие бегут через улицу.

— Он прилетел утром, — сказал Торн, который ехал рядом, на своём сером мерине, и то и дело поглядывал вверх. — Я видел, когда мы поднимались на перевал. Он нас обогнал, а потом сел и ждёт.

— Он всегда там сидит? — спросила я.

— Никогда. — Торн помолчал и добавил, уже тише, чтобы не слышал Кайрен: — Его место в Гнезде, в скале под замком. На башню он не садился ни разу.

Кайрен ехал впереди, и по его спине нельзя было понять, слышал он или нет. За два дня пути я выучила эту спину наизусть: прямую, неподвижную, в чёрном плаще, на котором снег копился слоем и который он стряхивал только тогда, когда слой становился совсем уж толстым. Первый день я ехала с ним в одном седле, впереди, и мы не сказали друг другу и десятка слов. К вечеру у меня так болело всё, на чём сидят, что на привале я не смогла слезть с коня сама, и Кайрен снял меня так же, как посадил, рывком, и поставил на землю, и ушёл распоряжаться, не дожидаясь благодарности. Ночью я спала у костра на его меховой подстилке. Утром он молча отдал меня Торну, вместе с кобылой, которую отряд раздобыл в деревне у первого привала, и больше в седло к себе не звал.

Я не обиделась. Со стороны, наверное, было похоже, что обиделась, но на самом деле я вздохнула с облегчением: второй день в тесном соседстве с человеком, который считает тебя своим имуществом, дался бы мне тяжелее, чем любой ушибленный копчик.

Замок стоял на скале над озером. Озеро было чёрное, неподвижное, в белых ледяных закраинах вдоль берега, и скала поднималась из него отвесно, серым клином, а замок вырастал из неё так, что было непонятно, где кончается камень, сложенный природой, и начинается сложенный людьми. Стены тёмные, почти чёрные от времени и сырости. Башни разной высоты, разной толщины, пристроенные в разные века, одна поверх другой. На восточной стене, обращённой к дороге, тянулось широкое тёмное пятно, от основания почти до зубцов, и когда мы подъехали ближе, я поняла, что это копоть. Древняя, въевшаяся в камень так глубоко, что никакие дожди её не отмыли.

— Драконий огонь, — сказал Торн, заметив, куда я смотрю. — С последней войны. Тогда здесь сидел Дом Вальт, драконий дом. Королевства пришли его брать, и дракон Вальтов жёл их под этой стеной три дня. А потом его убили.

— Это его фамилия? — спросила я, глядя на спину Кайрена.

— Властитель — последний из Вальтов, — сказал Торн. — Боковая ветвь. Его прадед был младшим сыном и в войну не воевал, поэтому его и не тронули.

Мне стало понятно больше, чем Торн, наверное, хотел сказать. Драконий дом без дракона. Сто лет. И вот нашёлся последний дракон в мире, и последний Вальт сумел сесть ему на спину, а через десять лет дракон выбрал девицу из метро. Радоваться тут Кайрену было нечему.

Ворота были тяжёлые, окованные чёрным железом, и за ними начинался крутой подъём, вырубленный прямо в скале, с низкими каменными перилами по краю, за которыми ничего не

было, кроме пустоты и ветра над озером. Во дворе нас ждали люди. Воины, слуги, женщины в тёмных платках, мальчишки, повисшие на коновязи, — и все молчали и смотрели на меня.

Весть обогнала нас, это было ясно. Она прилетела вместе с драконом, который сел на башню, и теперь каждый во дворе знал, что едет та, из-за которой Аш впервые за десять лет вёл себя не так, как всегда. На меня смотрели со страхом и с тяжёлой неприязнью, которую я почувствовала сразу, как чувствуешь холодный сквозняк из открытой форточки. Никто не улыбнулся.

Я выпрямилась в седле, насколько позволяла больная спина, и смотрела поверх голов. На совещаниях с поставщиками, которые пытались продавить цену, это всегда работало лучше, чем что-либо другое.

Кайрен спешился первым и бросил поводья конюху. Навстречу ему через двор шла женщина.

Высокая, худая, в тёмно-сером платье без украшений, с толстой седеющей косой, уложенной вокруг головы. Лет сорока, может, чуть больше. Лицо узкое, с острыми скулами и длинным прямым носом, губы тонкие, глаза тёмные и очень внимательные. Она шла через двор, не глядя по сторонам, и люди расступались перед ней так же, как расступались перед Кайреном.

Они остановились друг напротив друга. Она сказала что-то тихо, я не расслышала. Он ответил, так же тихо, и назвал несколько имён. Я узнала одно — Эдвин. Женщина закрыла глаза на мгновение и сразу открыла. Потом она посмотрела на меня.

— Это та самая? — спросила она громко, уже для всех.

Кайрен кивнул. Женщина подошла к моей кобыле и посмотрела на меня снизу вверх, оценивающе и без всякой враждебности, так осматривают новый сундук, прикидывая, сколько в него влезет.

— Меня зовут Рейна, — сказала она. — Слезай. Тебе нужно вымыться, поесть и поспать, в любом порядке, какой тебе нравится. Потом поговорим.

Я слезла. Точнее, сползла, цепляясь за седло, и Рейна придержала меня за локоть твёрдыми сухими пальцами, коротко, ровно столько, сколько нужно было, чтобы я не упала.

— Ездить ты не умеешь, — сказала она без упрёка, как отмечают погоду, и, не дожидаясь ответа, повернулась к Кайрену. — Куда её?

— В Северную, — сказал он и ушёл, не оглянувшись, в сторону главной башни, и люди расступались перед ним, и я смотрела, как он уходит, пока его не заслонили.

Северная башня оказалась самой старой в замке — это было видно по кладке, грубой, из неотёсанных глыб, и по узким окнам, больше похожим на бойницы. Рейна вела меня по винтовой лестнице, такой крутой, что на середине я начала задыхаться, а Рейна шла впереди со свечой и даже не запыхалась. Стены были холодные, влажные, и в одном месте на камне я увидела высеченный знак, старый, почти стёртый: всадник на драконе, с поднятым копьём. Лицо всадника кто-то сбил, давно, аккуратно, и копьё тоже. Остались только крылья.

— Кто это сделал? — спросила я.

Рейна обернулась и посмотрела на знак так, точно видела его впервые за много лет. — Победители, — сказала она. — После войны. Прошли по всем драконьим замкам и сбили всех наездников со всех стен. Драконов оставили. Драконов они не боялись, мёртвых. Они боялись людей, которые на них летали.

Мы поднялись ещё на один виток, и там, за низкой дубовой дверью, оказалась комната. Круглая, по форме башни, с узким окном, в которое задувал ветер, с огромным очагом, в котором уже горел огонь, и с кроватью под пологом из тёмной шерсти. Рядом с очагом стояла деревянная лохань, над которой поднимался пар. Какая-то девушка в платке вылиwała в неё последнее ведро и, увидев меня, так поспешно выскочила за дверь, что расплескала полведра на пол.

— Она боится тебя, — сказала Рейна. — Не принимай на свой счёт. Здесь боятся всего, что связано с драконом. Сто лет учили бояться.

— А вы?

— Я не боюсь того, что мне полезно, — сказала Рейна и поставила свечу на стол. — Мойся. Одежда на кровати. Твою я велю сжечь.

— Не надо, — сказала я быстрее, чем подумала.

Она подняла бровь. — В ней мертвецкая кровь, и она дырявая.

— Всё равно. Пусть постирают, если можно. Она... — Я не нашла, как объяснить, и сказала честно: — Это всё, что у меня осталось.

Рейна посмотрела на моё пальто, на прожжённый рукав, на серые брюки, на заляпанные ботинки. Потом на меня, чуть дольше, чем раньше.

— Постирают, — сказала она. — Мойся. Я вернусь.

Вода была горячая, почти обжигающая, и пахла чем-то хвойным и горьковатым, какой-то травой, которую бросили в неё пучком. Я сидела в лохани, поджав колени, потому что целиком в неё не помещалась, и тёрла себя куском серого мыла до тех пор, пока кожа не покраснела. Сажа сходила долго. Мертвецкая жижа, засохшая на руках и под ногтями, сходила ещё дольше. Повязку Торна я размотала, осторожно, и увидела, что порез затянулся за два дня почти целиком. Розовый рубец наискось через ладонь, чистый, без воспаления. Такие порезы у меня обычно заживали неделю. Я долго на него смотрела и решила пока не думать и об этом тоже.

Одежда на кровати оказалась простой и тёплой: длинная рубаха из тонкой шерсти, штаны, тоже шерстяные, плотные, и поверх — стёганая куртка до колен, серая, с высоким воротом. Всё немного велико. Сапоги — мягкие, на меху, тоже велики, но это было лучше, чем мои ботинки на тонкой подошве. Никаких платьев. Я подумала, что Рейна выбирала с умыслом, и мысленно была ей за это благодарна.

На стене у кровати висело зеркало — маленький, мутный лист полированного металла в деревянной раме. Я подошла и посмотрела. Лицо было моё. Бледное, осунувшееся, с синяками под глазами и с обветренными губами, волосы влажные, тёмные, до плеч, отросшие, которые я всё собиралась подстричь и не успела. Кем бы я здесь ни была, я была здесь собой, и от этого стало одновременно легче и страшнее.

Рейна вернулась, когда я доедала. Еду принесла та же перепуганная девушка — миску густой похлёбки с ячменём и мясом, ломоть тёмного хлеба и кружку горячего пива, горького и сладковатого одновременно. Я съела всё, до крошки, и только тогда поняла, какой была голодной. Рейна сидела на табурете у очага, прямая, со сложенными на коленях руками, и молча ждала, пока я доем.

— Кайрен сказал, ты из другого мира, — произнесла она наконец. — Я в это не верю.

— На вашем месте я бы тоже не поверила, — сказала я.

— Но это не важно, — продолжила Рейна тем же ровным тоном. — Откуда ты, во что веришь, кем была — всё это не важно. Важно, что дракон тебя выбрал, а он не выбирает случайно. Поэтому слушай меня внимательно, я скажу один раз. Ты здесь не гостья и не пленница. Ты здесь то, что нам нужно. Пока ты нам нужна, тебя будут кормить, охранять и учить. Попробуешь уйти — вернут. А тот, кто попытается тебя убить, умрёт раньше, чем успеет. Это понятно?

— Вполне, — сказала я.

Рейна кивнула. — Теперь то, что ты должна знать. Королевств семь. Все они ненавидят властителя. Одни за то, что он Вальт, другие за то, что у него был дракон, а у них нет. Весть о тебе уже летит на юг, птицами и гонцами, и через неделю каждый король будет знать, что у последнего дракона новая наездница. Каждый из них захочет тебя себе. Убить, чтобы дракон ушёл. Или украсть, чтобы дракон ушёл за тобой.

— Второе не работает, — сказала я. — Он не пойдёт за тем, кто меня украдёт. Он просто придёт ко мне. И скорее всего, съест того, кто меня держит.

Рейна посмотрела на меня. Уголок её рта на мгновение шевельнулся и тут же вернулся на место.

— Ты это знаешь или думаешь?

— Чувствую. — Я не знала, как объяснить иначе. — Он не терпит, когда его заставляют. Я не знаю, откуда я это знаю, но знаю точно.

— Этого хватит, — сказала Рейна. — Дальше. Мёртвых ты видела. Их поднимает человек по имени Серхан. Некромант. С юга. — Она сказала это так же ровно, как всё остальное, но пальцы на её коленях сжались сильнее. — Он поднял павших в Драконьих войнах. Всех, кого нашёл. Их много. Они идут на север. Идут медленно, и никакое оружие их не остановит насовсем, только задержит. Если отрубить мёртвому голову, он падает, только попробуй подберись с мечом к колонне, которой не видно конца. Сожжённое не встаёт, но жечь их всех — не хватит ни масла, ни дров, ни времени. Во всём мире есть только один огонь, от которого они сгорают целиком, до пепла, сразу. — Она кивнула в сторону окна, откуда тянуло холодом. — Он сидит на башне.

Я молчала. Складывала это в голове так, как складывала раньше таблицы с маршрутами, где главное — скорость груза и узкие места.

— Сколько у нас времени? — спросила я.

Рейна чуть наклонила голову. — Почему ты спрашиваешь именно это?

— Потому что это первое, что нужно знать. Всё остальное зависит от этого.

Она помолчала. — Не знаю, — сказала она наконец. — Никто не знает. Может, месяц. Может, меньше. Дозорные у южной границы присылают вести каждые три дня. Последние пришли четыре дня назад.

— Значит, они опаздывают на день.

— Бывает, — ответила Рейна без всякого выражения. — Снег, перевалы.

— А сколько человек в замке? Сколько запасов? На сколько хватит, если придётся сидеть в осаде? — Я заметила её взгляд и остановилась. — Извините. Я просто так думаю, я этим занималась.

— Чем же? — спросила Рейна.

Я поискала слово. — Возила грузы. Не сама. Считала, откуда, куда, сколько, когда. Чтобы всё приезжало вовремя и никто не остался без того, что ему нужно.

Рейна долго смотрела на меня, и в её взгляде впервые появилось что-то, кроме оценки. Я не поняла, что именно. Интерес, может быть, или удивление человека, который купил сундук и обнаружил в нём двойное дно.

— Спи, — сказала она и поднялась. — Завтра поговорим про запасы.

Спать я не стала, хотя честно легла, укрылась шерстяным одеялом, пахнувшим дымом, и лежала, глядя на огонь в очаге, пока он не прогорел до углей. Тело было тяжёлым, чистым и сытым, и сон должен был прийти сразу. Но под грудиной всё время ныло, тянуло, как тянет, когда забыла что-то важное и никак не вспомнишь что. Это был Аш. Он сидел на башне где-то надо мной, и я чувствовала его, и в нём было что-то, что не давало мне закрыть глаза. В конце концов я встала, натянула сапоги и куртку и вышла.

У двери сидел Торн. Он спал, прислонившись к стене, с мечом поперёк колен, и проснулся, как только я открыла дверь, — вскочил, ударился головой о низкий свод и выругался.

— Куда? — спросил он, потирая затылок.

— К нему, — сказала я. — Где это Гнездо?

Торн открыл рот, закрыл и, видимо, решил, что проще проводить, чем спорить. Он снял со стены факел и пошёл вниз первым.

Гнездо оказалось пещерой. Огромной, вырубленной в скале под замком, со сводом таким высоким, что свет факела в руке Торна не доставал до потолка. Мы спускались туда по лестнице, которая шла внутри скалы, узкой, крутой, с отполированными тысячами ног ступенями, и в самом конце она выходила на площадку над пещерой, а дальше вниз шёл пологий каменный скат. У дальней стены пещера открывалась на озеро — огромной аркой, через которую было видно ночное небо, звёзды и чёрную воду, в которой они отражались. Ветер задувал в арку и гудел под сводом.

Пещер было несколько. Я поняла это, когда Торн поднял факел повыше: в стенах виднелись ещё арки, поменьше, тёмные, ведущие в такие же пещеры рядом. Десяток, может, больше.

— Здесь жили драконы Вальтов, — сказал Торн тихо. — Раньше. Когда их было много. Теперь пустые все, кроме этой. Властитель сюда не пускает никого. Даже чистить.

Аш был здесь. Он не остался на башне. Он спустился, пока я лежала без сна, и теперь лежал на дне пещеры, у самой арки, свернувшись, положив голову на лапы и глядя на озеро. Когда мы вошли, он не повернулся. Но через связь пришло — ровное, тихое, знакомое. Он знал, что я здесь. Он ждал.

— Подожди здесь, — сказала я Торну.

— Властитель сказал...

— Властитель сказал тебе охранять меня. Отсюда охранять удобнее всего. Видно всю пещеру.

Торн подумал и остался на площадке. Я спустилась по скату одна.

Внизу было теплее, чем я ожидала. От Аша шёл жар, как от большой печки, и камни вокруг него были сухими, тёплыми, без единой снежинки. Я подошла и села у его передней лапы, так же, как сидела в развалинах, спиной к чешуе, и посмотрела туда же, куда смотрел он. На озеро, на звёзды. Звёзды были чужие. Я не знала ни одного созвездия. Над горами на юге висела яркая голубая звезда, одна, очень крупная, и больше ничего знакомого.

Какое-то время мы сидели молча. Потом я закрыла глаза и попробовала сделать то, что делал Кайрен в развалинах: потянуться внутрь, к нему.

Я не знала, как это делается. Я просто перестала отгораживаться. Всё это время, как я поняла только сейчас, я держала связь где-то на краю, как держат на краю сознания шум соседей за стеной, — слышно, но не слушаешь. Теперь я прислушалась, и меня затопило.

Обрывки, которые он показал мне в развалинах, были картинками, неуклюжими и торопливыми, как слайды. Теперь картинок не осталось, всё пришло сразу.

Тяжесть лет. Я уже чувствовала её, но теперь она раскрылась передо мной целиком, и у неё оказалась глубина, как у колодца, в который заглядываешь и не видишь дна. Он был стар той старостью, какая бывает у рек, которые текут по одному руслу столько, что уже не помнят, что когда-то текли иначе. Он помнил мир, в котором драконов было много. Помнил ощущением: небо, полное крыльев, чужое тепло рядом в воздухе, чужие голоса, которые тоже не были словами, но которые он понимал. Он помнил, как их становилось меньше и как гасло одно тепло за другим. Он помнил войну, огонь, крики внизу и тот ужас, который испытываешь, когда рядом в небе гаснет кто-то, с кем ты летал всю жизнь.

Потом наступила пустота. Сто лет у него не было никого. Я почувствовала этот век, и они были совсем другими, чем я себе представляла. Я представляла себе горе и тоску, одиночество в человеческом смысле, когда плачешь по ночам. Здесь было хуже, здесь было тихо. Лёд и снег на крыльях, который никто не страхнёт, и рядом ни тепла, ни голоса, который он понял бы без слов. Век он летал в небе, где больше никого не было, и слушал тишину, в которой должны были быть другие, и не было никого.

Потом пришёл Кайрен. Я почувствовала и это, через то, как Аш его ощущал: шум и желание. Требовательное, настойчивое, человеческое желание, которое лезло в Аша, как лезут

пальцами в замочную скважину, и которое Аш терпел, потому что устал и потому что рядом с этим желанием было хоть что-то, кроме тишины. Но за десять лет он так ни разу и не открылся.

А потом появилась я. Я не поняла, что он видит во мне. Я чувствовала, как он смотрит, как обращается ко мне, но то, что он находил, было за пределами того, что я могла прочесть. Я только чувствовала то, что он испытывал, когда находил. И это было облегчение, такое огромное, что у меня перехватило дыхание. Облегчение существа, которое целый век несло что-то неподъёмное в одиночку, и вот наконец рядом оказался кто-то, кому можно отдать хотя бы край этой ноши, просто чтобы было с кем.

Я открыла глаза. Лицо у меня было мокрым. Я не заметила, когда начала плакать.

Последний в мире. Сто лет один. Это объясняло многое, от его смеха над Кайреном до башни, на которую он сел сегодня, чтобы я видела, что он здесь.

— Ну привет, — сказала я вслух, хрипло, вытирая лицо рукавом. — Я тоже тут одна, если что.

В ответ он шевельнулся: огромная голова медленно повернулась ко мне, и золотой глаз оказался совсем рядом, в двух ладонях от моего лица. Я увидела в нём своё отражение, крохотное, в свете далёкого факела. Он смотрел долго. Потом выдохнул — горячо, сухо, так, что у меня с ресниц снова сдуло слёзы, — и опустил голову на лапы рядом со мной, так близко, что я могла бы положить на неё руку.

Я её положила. Чешуя была тёплая, шершавая, и под ней, глубоко внутри, я чувствовала медленный, мощный стук. Сердце. Оно билось раз в несколько секунд, тяжело и ровно.

— Он был здесь каждую ночь.

Я вздрогнула. Голос раздался сверху, с площадки, и это был не Торн.

Кайрен стоял у верхнего конца ската, в тени, куда не доставал факел, и я не знала, сколько он там простоял. Торна рядом не было — видимо, его отпустили, и факел, оставленный им в кольце на стене, догорал в стороне. Кайрен спустился по скату неслышно, и остановился в нескольких шагах, так же точно, как тогда, в развалинах, — там, где кончалась досягаемость лапы.

— Каждую ночь, десять лет, — сказал он. — Когда не улетал в горы. Лежал здесь, у арки, и смотрел на юг.

— Почему на юг? — спросила я.

Он помолчал. — Там были драконьи земли. До войны. Там жили все остальные.

Я посмотрела на яркую голубую звезду над горами. Аш тоже на неё смотрел, и я поняла, что он смотрел на неё и тогда, когда мы вошли, и все эти десять лет, и, наверное, все сто.

— Он вам это показал? — спросила я. — Что ему одиноко?

Кайрен не ответил сразу. Он смотрел на Аша, на его голову, лежавшую рядом с моей рукой, и лицо его было неподвижным, но я увидела, как дёрнулась мышца у него на скуле.

— Нет, — сказал он наконец. — Он мне ничего не показывал. Никогда.

Он стоял у самой границы, в шаге от тепла, которое шло от Аша, и не делал этого шага. Я смотрела на него снизу вверх и думала, что он пришёл сюда не ради меня. Он пришёл сюда так же, как приходил, наверное, все эти десять лет, — ночью, когда никто не видит, постоять у края и посмотреть на существо, которое так и не пустило его внутрь.

Мне стало неловко. Так бывает, когда случайно открываешь дверь не в ту комнату и видишь то, чего видеть не должна.

— Садитесь, — сказала я и сама удивилась. — Здесь тепло.

Он посмотрел на меня. Долго. Потом покачал головой, один раз.

— Иди спать, — сказал он. — Завтра начнём учить тебя. Он должен летать. Одного его не хватит против того, что идёт, но без него не хватит ничего.

Он развернулся и пошёл вверх по скату. У самой площадки остановился, не оборачиваясь.

— У тебя на щеках мокро, — сказал он. — Вытри. В замке не любят слабых.

Он ушёл, а я сидела и смотрела ему вслед, и под грудиной было странно. Я не могла понять, откуда он знает. На площадке было темно, факел догорал в стороне, а я сидела в тени драконьей головы. Он не мог видеть моего лица.

Аш под моей ладонью шевельнулся. Через связь пришло сложное, многослойное ощущение, в котором насмешка мешалась с настороженностью и с чем-то похожим на предупреждение. Он знал ответ и пока не собирался мне его отдавать.

В башню я вернулась далеко за полночь. Колокол ударил под утро. Я проснулась от звука, низкого и тяжёлого, который прошёл через всю башню и через меня. За вторым ударом зазвонило часто, без перерыва, и снизу, со двора, послышались крики, топот, ляг.

Я вскочила, путаясь в одеяле, и бросилась к окну. Окно выходило на юг.

Сначала я не поняла, что вижу. Тьма, горы, силуэты башен на фоне чуть посветлевшего неба. А потом — там, далеко на юге, на вершине дальнего хребта, горел огонь. Одна яркая оранжевая точка, а за ней вторая, на соседней вершине, ближе. Огни перебегали с горы на гору, с башни на башню, цепочкой, быстро, как бегут друг за другом люди, передающие ведро на пожаре, и последний вспыхнул прямо на стене замка, над южными воротами, огромным костром, в котором трещала смола.

Сигнальные огни. Я видела такое в кино. В кино это всегда выглядело красиво.

Через связь ударило. Аш не спал — я почувствовала, как он поднялся в своей пещере, как напряглось его огромное тело, как в нём проснулось что-то древнее, звериное, тяжёлое, и потекло ко мне по нашей нитке, заполняя меня до краёв. Тревогой это назвать было нельзя, скорее узнаванием. Он знал этот запах в воздухе, который я не могла почувствовать. Он знал, что идёт.

Я оделась, не помня как, и выскочила на лестницу. Торн был там, уже одетый, уже с мечом.

— Что случилось?

— Дозор, — сказал он, и лицо у него было белым в свете факела. — Южный дозор. Огни значат, что кто-то с юга перешёл последнюю заставу.

— Дозорные вернулись?

Ответ я поняла по лицу Торна раньше, чем он его произнёс.

— Нет, — сказал он. — Огни зажгли пастухи. Дозорные не вернулись. Ни один.

Глава 4. Первые мертвецы

Седло было старое, и Аш не хотел его видеть. Двое воинов внесли его в Гнездо на плечах, как носят гроб, — огромное, из чёрной кожи, растрескавшейся на сгибах, с высокой задней лукой и с десятком ремней, свисающих по бокам до самого пола. Рейна шла за ними с фонарём. Кайрен шёл впереди. Утро только начиналось, в арку над озером лился серый свет, и в этом свете Аш лежал, подобрав под себя лапы, и смотрел на седло так, как смотрят на знакомую вещь, с которой связаны неприятные воспоминания.

Через связь от него шло терпение. Тонкое, натянутое, на самом пределе, как у человека, который в третий раз за вечер слушает один и тот же анекдот.

— Его сшили для него десять лет назад, — сказала Рейна, остановившись рядом со мной на скате. — Властитель сам снимал мерки. Три мастера работали полгода. Надевать его дракон позволял редко, по пальцам можно пересчитать. Остальное время властитель летал без седла или не летал вовсе.

— Почему без седла? — спросила я.

— Потому что сесть на себя дракон позволял, а седло терпел не всегда, — сказала Рейна. — Никто не знает почему. Властитель думает, это от старых времён: говорят, при Драконьих домах сёдел не знали и летали на одних ремнях.

Решение принимали без меня. Едва погасли огни, меня отправили обратно в башню, и я сидела там, слушая, как во дворе ржут кони и перекликаются часовые. Когда совсем рассвело, пришёл Торн и сказал, что властитель велит спуститься в Гнездо. Больше он ничего не знал. По его лицу было видно, что он и сам не понимает, зачем я там нужна, раз летать я не умею.

Воины опустили седло на камень, поклонились то ли Кайрену, то ли дракону и ушли, пятясь. Кайрен подошёл к Ашу. Он сделал это так же, как в развалинах: ровно, без спешки, до того места, где начиналась досягаемость лапы. Потом переступил эту границу и остановился у самого плеча дракона, у того места, где крыло сходилась с телом.

— Южный дозор не вернулся, — сказал он, не оборачиваясь, и я поняла, что это говорится мне. — Двенадцать человек. Все опытные, все знали перевалы. Пастухи с южного склона видели мертвецов в Седловине, это два дня пути, и зажгли огни. Больше они ничего не видели: ушли в горы. Мне нужно знать, сколько их, куда идут и как быстро. Пешая разведка вернётся через четыре дня. Если вернётся. На драконе я буду там к полудню.

Он положил ладонь на чешую, на плечо Аша, и поднял ногу, чтобы опереться на сгиб лапы, как опираются на стремя. Аш не шевельнулся и головы не повернул. Он просто стал камнем. Я почувствовала это изнутри, через связь, раньше, чем увидела: всё в нём замкнулось, ушло вглубь, и то, что осталось на поверхности, было гладким, холодным и совершенно глухим, как стена без окон. Кайрен стоял, упираясь сапогом в драконью лапу, с рукой на его плече, и ничего не происходило. Дракон не мешал ему. Дракон просто перестал для него существовать.

Кайрен подождал. Потом сел ему на спину, одним сильным рывком, за основанием шеи, там, где гребень был ниже. Аш не пошевелился. Кайрен ударил его пятками и сказал какое-то слово, резкое, повелительное, которого я не поняла. Аш лежал.

Мне стало тяжело на это смотреть. Кайрена было немного жаль, но хуже было другое: через связь я чувствовала, чего Ашу это стоит. Эта глухая стена требовала усилия. Он держал её, как держат дверь, в которую ломаются, и от этого усилия у меня самой заныли плечи.

Рейна рядом со мной не двигалась и молчала. Лицо её оставалось неподвижным, но губы сжались в одну линию.

Кайрен прыгнул на камень и постоял, спиной ко мне, прежде чем обернуться. Лицо у него было прежним, только очень бледным.

— Иди сюда, — сказал он.

Я подошла. Ноги слушались плохо, но слушались. Аш под моим взглядом тут же раскрылся, я это почувствовала, как чувствуешь, когда в холодной комнате включают батарею, — стена исчезла, и из-за неё хлынуло прежнее: тепло, тяжесть, знакомое внимание. Кайрен это тоже почувствовал, я увидела это по короткому движению его бровей, но промолчал.

— Садись впереди, — сказал он.

Я вспомнила, как несколько дней назад он говорил мне ровно те же слова, сидя на своём вороном. Тогда он был в седле, а я внизу. Теперь всё было наоборот, и мы оба это понимали, и никто из нас не собирался об этом говорить.

— Я не умею, — сказала я.

— Я умею, — ответил он, так же ровно, как тогда. — Садись.

Седло надевали долго. Аш терпел его, пока я стояла рядом и держала ладонь у него на морде, и через связь от него шло недовольство, как у кота, которого одевают в свитер, но он не сопротивлялся. Ремни затягивали двое воинов, которых позвали обратно, и затягивали торопливо, не поднимая глаз. Кайрен проверил каждый сам. Потом посадил меня — руки у него были такие же твёрдые, как тогда, в развалинах, — и я оказалась в седле, огромном, рассчитанном на него, и мои ноги не доставали до ремней, в которые полагалось их вдевать. Он укоротил ремни, быстро, не глядя на меня, и сел позади.

Я почувствовала его сразу. Его грудь у меня за спиной, его колени по обе стороны от моих. Его руки легли поверх моих на две петли спереди, толстые, кожаные, за которые полагось держаться.

— Держись за эти, — сказал он у самого уха. — Не отпускай ни при каких обстоятельствах. Если начнёшь падать — не кричи и не дёргайся. Я тебя поймаю.

— А если не поймаете?

— Тогда он поймает, — сказал Кайрен. — Он тебя не отпустит. Меня бы отпустил.

Он сказал это без горечи, как говорят о давно решённом. Я не нашла, что ответить.

Рейна отошла к стене. Двое воинов исчезли на лестнице. Аш поднялся — медленно, с тем же тяжёлым усилием, которое я уже знала, и я качнулась в седле, и руки Кайрена на моих руках не дрогнули. Дракон двинулся к арке. Под нами перекачивались мышцы, огромные, живые, и каждое его движение я чувствовала дважды: телом, через седло, и изнутри, через связь, как своё собственное.

У края арки он остановился. Внизу было озеро. Далеко внизу, так далеко, что у меня в животе всё сжалось в ледяной комок и я вцепилась в петли так, что заболели пальцы. Ветер ударил в лицо, холодный, пахнущий снегом и водой.

— Не бойся, — сказал Кайрен.

Я не издала ни звука, я вообще не дышала, а он ответил так, точно я пожаловалась вслух. Я хотела спросить, откуда он знает, но не успела: Аш прыгнул.

Мы упали. Это было первым и единственным ощущением: падение, прямо вниз, к чёрной воде, и воздух свистел, и желудок остался где-то наверху, в Гнезде, а вода неслась навстречу, и я поняла, что сейчас мы в неё врежемся, и что это конец, второй за неделю, и что это совершенно нечестно. Потом Аш раскрыл крылья, и рывок был такой, что меня вжало в седло, в Кайрена за спиной, и из лёгких вышибло остаток воздуха. Крылья поймали ветер с хлопком, который я услышала всем телом. Падение превратилось в скольжение. Вода ушла вниз, отстала, мелькнула под нами, и мы шли над ней, так низко, что брызги от ветра долетали до моих сапог, а потом Аш сделал один мощный взмах, и мы пошли вверх. Тогда пришла связь.

Я чувствовала её и раньше, на земле, но там она была приглушённой, как голос за стеной. В воздухе стена исчезла. Я не просто чувствовала, что Аш летит. Я летела сама. Я чувствовала ветер под крыльями, которых у меня не было, упругий, живой, держащий, чувствовала, как он давит на перепонки и как нужно чуть изменить угол, чтобы он поднял выше. Чувствовала, как работают мышцы вдоль спины, огромные, древние, привычные к этому движению так, как

мои ноги привыкли к ходьбе. Видела его глазами мир внизу, прозрачный до самого горизонта, вплоть до птицы, взлетевшей с утёса в полуверсте от нас.

Я засмеялась. Это вырвалось само, от восторга пополам с ужасом, и ветер унёс этот смех назад, в лицо Кайрену.

Аш ответил мне тем же. Я почувствовала его радость, огромную, ни на что прежнее не похожую. Он любил летать. Он любил это больше всего на свете, и с самой войны ему было не с кем это разделить. Кайрен у меня за спиной молчал.

Мы поднялись над скалой и над замком. Я увидела внизу его башни, крохотные, как шахматные фигуры, людей во дворе, задравших головы, — и Аш заложил широкий круг и пошёл на юг.

— Держи к тем двум вершинам, — сказал Кайрен, наклонившись к моему уху. Ветер почти уносил его голос. — Между ними перевал. Седловина за ним.

— Как я ему скажу? — крикнула я.

— Не знаю. Ты наездница, — ответил он.

Я посмотрела на две вершины, белые и острые, и попробовала. Слова здесь были бесполезны, поэтому я просто посмотрела туда и захотела туда. И Аш повернул. Плавно, чуть наклонившись на одно крыло, так, что у меня опять ёкнуло в животе, и пошёл точно к перевалу.

Руки Кайрена на моих руках сжались. Совсем чуть-чуть. Потом разжались обратно.

С конского седла Серые земли выглядели пустыми и однообразными, сверху же было видно, что они живые. Между валунами вились тропы, тонкие, как нитки. В распадах прятались деревни, по пять, по десять домов, с дымом над крышами. На каждом высоком холме стояла сигнальная башня, круглая, приземистая, и на вершине у каждой ещё дымились угли ночных огней. Башни тянулись цепочкой на юг, к перевалу, и за перевалом я их не видела.

Первую пустую деревню мы увидели через два часа, и Аш заметил её раньше меня. Через связь пришло беспокойство, короткое и острое, и он сам, без моей просьбы, пошёл ниже. Я посмотрела вниз. Дома стояли в распадке у ручья, каменные, с тёмными крышами, и над ними не было ни одного дымка. Ворота загон открыты. На дороге у последнего дома лежала перевёрнутая телега, и рядом с ней что-то рассыпанное, светлое, — я пригляделась и поняла, что это зерно.

— Сажай его за деревней, на выгоне, — сказал Кайрен.

Посадка вышла страшной. Аш пошёл вниз по крутой дуге, выбросил лапы, ударил ими в землю так, что меня бросило вперёд, на шею дракона, и если бы не руки Кайрена, я бы вылетела из седла. Мы проехали по мёрзлой траве юзом, взрывая дёрн, и остановились. Я сидела, не в силах отпустить петли. Пальцы свело.

— Отпусти, — сказал Кайрен. — Мы на земле.

Я отпустила. Руки дрожали. Кайрен спешился первым и протянул мне руку снизу, и я её взяла, потому что сама слезть не смогла бы.

Деревня называлась Белый Ручей. Это я узнала позже, от Кайрена, который знал здесь каждую деревню по имени. Тогда она была просто домами — семью или восемью, — и тишиной.

Мы шли по улице, и Кайрен держал меч в руке. Я держалась у него за плечом. Аш остался на выгоне, но я чувствовала его внимание, тяжёлое, пристальное, направленное на нас, и от этого было не так страшно, как могло бы быть.

Двери в домах были открыты. В первом доме на столе стояли миски с недоеденной кашей, на лавке лежала детская рубашка, недошитая, с иголкой, воткнутой в ворот. В очаге — остывшая зола. Во втором — то же самое. Люди ушли, не доев и бросив всё.

— Ушли на огни, — сказал Кайрен, осматривая второй дом. — Все деревни знают, что делать, когда горят огни. Бросить всё и идти на север, к замку.

— Значит, они живы? — спросила я.

— Если успели, — ответил он.

Он вышел на улицу и пошёл к последнему дому, у перевёрнутой телеги. Я пошла за ним и остановилась у телеги. Рядом с рассыпанным зерном на снегу виднелись следы. Много следов, и все вели в одну сторону — на север, в горы. И одна цепочка, отдельная, маленькая, детская, вела обратно, к последнему дому.

Я подняла голову. Дверь последнего дома была закрыта, единственная во всей деревне.

— Кайрен, — сказала я.

Он уже видел. Он подошёл к двери и толкнул её, и она открылась с долгим скрипом, и из темноты пахнуло холодом и чем-то сладковатым, тяжёлым, от чего у меня сразу свело желудок. Я знала этот запах. Я узнала его в развалинах.

Кайрен вошёл первым. Я пошла следом, хотя он сделал мне знак рукой, чтобы я осталась.

В доме было темно, ставни закрыты. Когда глаза привыкли, я увидела старика. Он сидел на лавке у остывшего очага, прямо, в тулупе, положив руки на колени, и смотрел на дверь. Рядом с ним, на полу, у его ног, лежала девочка лет восьми, свернувшись калачиком, и старик одной рукой держал её за плечо.

— Он не пошёл, — сказал Кайрен тихо. — Старые часто не идут. Не могут. Остаются дома.

— А она?

Кайрен не ответил. Он смотрел на старика, и старик пошевелился.

Сначала рука, та, что лежала на плече у девочки. Пальцы сжались, неумело, как сжимаются у человека, который впервые учится двигать рукой после паралича. Потом голова, повернувшись к нам на неправдоподобно долгим движении, до упора, и глаза, затянутые той же белёсой плёнкой, которую я уже видела. Из рта у него не шёл пар.

Кайрен шагнул вперёд так быстро, что я не успела ничего понять. Меч описал короткую дугу, свистнул, и голова старика упала на пол и откатилась под лавку. Тело осталось сидеть. Руки ещё несколько мгновений шевелились на коленях, пальцы сжимались и разжимались, а потом замерли.

Кайрен опустился на колено рядом с девочкой. Я смотрела, как он кладёт ладонь ей на спину, и мне было страшно дышать.

— Живая, — сказал он. — Спит. Или без сознания.

Я выдохнула и только тут поняла, что всё это время не дышала. Он поднял её на руки. Она была маленькая, в заплатанном платье и в огромных войлочных сапогах не по размеру, и на её щеке, там, где она прижималась к полу, отпечатались доски. Она не проснулась. Я подошла ближе и увидела её лицо — бледное, с синими губами — и потрогала щёку. Щека была холодная, но под пальцами, на шее, где кожа тоньше, я почувствовала слабый частый стук.

— Она вернулась за ним, — сказала я. — Все ушли, а она вернулась. За дедом.

— Да, — сказал Кайрен.

— И он её не тронул, — сказала я, всё ещё не веря.

Кайрен посмотрел на меня. Он держал девочку на руках, прижимая к груди, и на его лице впервые проступило то, чему я не могла подобрать имени, только знала, что холодом это не было.

— Он умер недавно, — сказал он. — Может быть, этой ночью. Мёртвые встают не сразу. Если бы мы прилетели на час позже...

Он не договорил, в этом не было нужды. Мы вынесли девочку на улицу. Я сняла с себя куртку и завернула её, и она по-прежнему не просыпалась, только вздохнула и чуть повернула голову. Кайрен молча смотрел, как я это делаю, и ничего не говорил про холод, хотя я осталась в одной рубаше и меня сразу начало трясти.

— Он возьмёт её? — спросил Кайрен, глядя на выгон, где лежал Аш.

— Не знаю, — сказала я и, подумав, добавила: — Спрошу.

Я спросила без слов. Просто посмотрела на девочку, на её синие губы, на огромные сапоги, и позволила тому, что я чувствовала, пойти по связи к нему. Ответ пришёл сразу, ровное согласие без колебаний. Вопросы он здесь, похоже, вообще не видел.

— Возьмёт, — сказала я.

Кайрен кивнул. Мы пошли к выгону, где Аш уже поднимал голову нам навстречу.

Седловину мы увидели к полудню. Перевал между двумя белыми вершинами оказался узким, с отвесными стенами, и Аш прошёл через него низко, почти задевая крыльями скалы, и вынырнул с другой стороны, над долиной. Девочка спала у меня на коленях, завернутая в куртку, прижатая ремнём. Кайрен держал нас обеих — одной рукой петлю, другой меня за пояс, — и от него мне на спину шло тепло.

Долина лежала внизу — широкая, длинная, с рекой посередине, скованной льдом, и с дорогой вдоль реки. По дороге шли мёртвые.

Я смотрела на них и долго не могла понять, что вижу. Сначала я приняла их за тёмную полосу, ещё одну реку, текущую рядом с первой. Широкая, медленная, от горизонта до горизонта. Потом Аш пошёл ниже, и полоса распалась на точки, и точки стали людьми.

Они шли строем, и это было самое страшное. В фильмах про зомби мертвецы бредут толпой, эти же шли ровными колоннами, одна за другой. Ржавые кольчуги, истлевшие плащи, оружие в руках. У многих не было лиц. Шли медленно, в ногу, мерным шагом, и мне чудилось, что даже здесь, наверху, от этого шага гудит воздух. Сто лет назад эти люди умерли в Драконьих войнах. Теперь они шли на север.

Голова колонны терялась за поворотом долины на севере, хвост уходил за южный горизонт. Ни начала, ни конца я разглядеть не могла.

— Сколько их? — спросила я.

Кайрен не ответил. Я обернулась: он смотрел вниз, и лицо у него было такое, какое, наверное, бывает у человека, который считает и не может сосчитать.

Через связь ко мне хлынуло то, что чувствовал Аш, и это было хуже всего. Он их узнавал, пусть не всех. Он помнил гербы, вытертые теперь до неузнаваемости, и помнил этих людей живыми. Он был здесь сто лет назад, в этом небе, над этими полями, и под ним гибли тысячи, и среди них были те, кого он знал. И теперь они шли по дороге, мёртвые, с белыми глазами, и не узнавали никого.

Его ярость пришла следом, медленная, как движение ледника. Она поднималась в нём из такой глубины, что я почувствовала её, как чувствуешь подземный толчок, когда сначала ничего нет, а потом дрожит всё сразу. У меня стиснулись зубы, руки на петлях свело.

— Он хочет их сжечь, — сказала я. Голос вышел хриплым.

— Всех не осилит, — сказал Кайрен. — Их слишком много, и он устал.

— Он всё равно хочет, — сказала я.

Кайрен помолчал. Потом наклонился вперёд, к самому моему уху.

— Тогда хвост. Последние ряды. Там, где долина сужается. Если ударить там, они не смогут обойти, и огонь пойдёт по всей ширине. — Он указал рукой вниз, на юг, туда, где долина сжималась между скалами. — Одним заходом. Потом сразу вверх. Не задерживаться.

Я посмотрела на девочку у себя на коленях. Она по-прежнему спала.

— С ней? — спросила я.

— С ней на землю мы не сядем. Сядем — не взлетим обратно, пока они рядом, — ответил Кайрен. — Держи её крепче. И держись сама.

Как сказал классик: что мертво, умереть не может. Но если это мёртвое всё ещё шевелится, ему придётся столкнуться с очищающим от скверны огнём моего питомца.

Я не произнесла этого вслух, только подумала, но, видимо, так громко, что Аш услышал. Через связь пришла короткая волна, сухая и злая, очень близкая к смеху. Он был согласен.

Я посмотрела на узкое место между скалами и захотела туда. Аш сложил крылья.

Мы упали вниз по крутой дуге, быстрее, чем тогда, над озером, и ветер ревел, и колонна мёртвых из тёмной полосы превращалась в ржавые шлемы и белые глаза, которые так и не поднялись вверх. Им было всё равно, они шли.

Я почувствовала, как в Аше разгорается огонь, и ни с чем знакомым сравнить это не могла. Жар поднимался из самой глубины его тела, из того места, где я чувствовала его сердце, поднимался вверх, по горлу, заполняя его целиком, и я чувствовала его как собственный: у меня в груди разожгли печь, и пламя рвалось наружу. Больно не было, было жарко и тесно до невыносимости, и хотелось, чтобы это вышло наружу как можно скорее.

Аш раскрыл пасть, и огонь вышел белым, с золотыми краями, ослепительным, таким ярким, что я зажмурилась и всё равно видела его сквозь веки. Он ударил в колонну, в узкое место между скалами, и растёкся по всей ширине долины, как вода, выплеснутая из ведра.

Я открыла глаза и заставила себя смотреть. Я ждала, что будет красиво, как в кино, с музыкой и полыхающим горизонтом. Музыки не было. Огонь лип к мёртвым, как смола, и они продолжали идти, горящие, молча, не поднимая рук к лицу. А потом падали на полушаге и рассыпались разом, целиком, как рассыпается пепел, если на него дунуть, в серую пыль, в которой не оставалось ни костей, ни железа. Кольчуги текли, как воск, камни под ними трескались.

И был запах горелого столетнего мяса. Я закашлялась, прижала к себе девочку, закрывая её лицо курткой.

Аш прошёл над колонной одним длинным заходом, извергая огонь, и когда он закрыл пасть, за нами тянулась полоса белого пламени от одной скалы до другой, в ширину всей долины. А потом он взмахнул крыльями и пошёл вверх.

Я обернулась, уже поднимаясь. Там, где секунду назад шли мёртвые, лежал ровный серый пепел, и над ним плясало белое пламя. А за пламенем колонна шла дальше. Ряды, которые не попали под огонь, шагали на север, даже не обернувшись.

Красивым это назвать было нельзя. Зато это работало.

Через связь ко мне шла усталость. Огромная, как после долгого бега. Огонь стоил ему дорого. Я чувствовала, как он дышит — тяжело, с хрипом, — и как медленнее работают крылья, и как ему хочется лечь. Я положила ладонь ему на шею, на чешую, горячую, как печная заслонка, хоть это ничего и не меняло. Но он почувствовал, и от него пришла короткая благодарность.

— Выше, — сказал Кайрен. — Уходим.

Я не ответила. Я смотрела вниз. Там, где огонь не достал, у самого края пламени, стояли люди.

Живые люди на конях. Пятеро или шестеро — они держались сбоку от колонны, на склоне, в стороне от дороги, и теперь, после огня, их было хорошо видно. Кони под ними пятились, храпели, вскидывали головы. Всадники осаживали их, и у всадников изо рта шёл пар.

Над ними трепетало знамя. Тёмно-зелёное, с золотой полосой наискось. Я не знала этого знамени. Но Кайрен знал. Я почувствовала это телом: как он напрягся у меня за спиной, как рука на моём поясе сжалась так, что стало больно.

От мёртвых они не прятались. Один из них, в первом ряду, поднял руку, и я увидела, как ближайшие мёртвые повернули головы в его сторону. Как повернули бы головы солдаты, услышав приказ.

Живые вели мёртвых.

— Орвенн, — сказал Кайрен у меня над ухом. Голос у него был тихий, ровный и такой холодный, что у меня по спине прошёл мороз. — Это знамя Орвенна.

Глава 5. Предатель

Всадники под зелёным знаменем развернули коней и пошли вверх по склону, прочь от огня, и Кайрен сказал мне в ухо одно слово: «Отрежь». Я не сразу поняла, что он имеет в виду, а потом увидела. Склон, по которому уходили всадники, упирался в седловину между двумя холмами, узкую, заросшую низким кустарником, и за ней начиналась пустая долина, где они могли уйти от нас по любой из десятка троп.

Я посмотрела на седловину и захотела оказаться там раньше них. Аш понял. Я почувствовала, как он собирается, как по его телу проходит усталость, тяжёлая после огня, и как он откладывает её в сторону, на потом, как откладывают мешок, чтобы поднять другой, поважнее. Крылья ударили по воздуху, мы пошли над склоном, обгоняя всадников, над самыми их головами. Кони внизу обезумели. Один встал на дыбы и сбросил седока, другой рванул в кусты и упал там вместе со всадником, и к седловине мы пришли первыми.

Посадка вышла лучше, чем в Белом Ручье. Я заранее вжалась в седло и прижала к себе девочку, Кайрен заранее держал меня за пояс, и когда Аш ударил лапами в гребень седловины, меня только тряхнуло. Он развернулся, раскрыв крылья во всю ширь, и заревел.

До этого я не слышала, как он ревьёт. Он фыркал, пыхтел, смеялся своим закипающим чайником, а сейчас из его груди поднялся звук такой низкий и такой огромный, что с кустов посыпался снег. Он прошёл через седло, через мои кости, и девочка у меня на коленях проснулась и закричала. Я прижала её лицом к себе и держала, пока крик не стих.

Всадники остановились. Кони под ними крутились и храпели, люди держались в сёдлах, как могли. Их осталось четверо, пятый лежал ниже по склону, придавленный конём, шестой выбирался из кустов, хромя.

— Держи его здесь, — сказал Кайрен и спрыгнул на землю.

Он пошёл к ним один, пешком, с мечом в руке, против четверых конных, и сначала я не поверила, что он это делает. Потом поняла, что драться ему не придётся. За его спиной стоял дракон, и все четверо смотрели на дракона.

— Спешиться, — сказал Кайрен, не повышая голоса. — Оружие на землю. Кто побежит, того он сожжёт.

Аш выдохнул, и из ноздрей у него вырвались две струйки дыма с искрами. Через связь я знала, что огня в нём сейчас нет ни капли. Он выжег всё в долине, и внутри у него было пусто и горячо, как в печи, которая только что прогорела. Всадники этого не знали.

Трое спешили. Четвёртый, тот, что поднимал руку, отдавая приказы мёртвым, развернул коня и дал ему шпоры. Проехать он успел шагов десять. Кайрен сделал короткое движение рукой, в воздухе блеснуло, и конь рухнул на передние ноги с ножом в шее. Всадник перелетел через его голову и покатился по склону. Кайрен подошёл и ударил его рукоятью меча по затылку, коротко и точно, как бьют, чтобы оглушить.

Но перед тем, как упасть, всадник успел махнуть рукой в сторону долины. Я увидела это сверху, из седла. Там, внизу, от края колонны отделился отряд мёртвых, может быть, полсотни, и повернул к нашему склону. Они полезли вверх, неуклюже, цепляясь руками за камни и кусты, срываясь и снова поднимаясь. Им было некуда торопиться, и они не торопились. Они просто шли, и расстояние между ними и нами сокращалось с каждой минутой.

— Кайрен! — крикнула я.

Он обернулся, увидел и промолчал. Он развернулся к троим спешившимся и начал вязать их собственными поясами, быстро, ловко, не глядя на склон. Я смотрела на склон за него. Мёртвые поднимались. Уже можно было различить ржавые шлемы и то, что у переднего не было нижней челюсти. Аш у меня под ногами напрягся, и я почувствовала его раздражение,

злое и бессильное. Он хотел жечь и не мог. Молодой из троих пленных, совсем мальчишка, с прыщами на подбородке, смотрел на склон и плакал без звука.

— Их нужно в замок, — сказал Кайрен, затягивая последний узел. — Живыми. Тех, кто может говорить.

— Он не возьмёт на спину пятерых, — крикнула я.

— Спроси его.

Я спросила, посмотрев на связанных и позволив себе подумать, что они нужны нам живыми. Аш ответил образом, первым настоящим образом с тех пор, как показал горящую крепость. Я увидела его собственные когти, огромные, изогнутые, и в них маленькое, сжатое, болтающееся над пропастью.

— Он понесёт их в лапах, — сказала я. — Двоих, больше не удержит.

Кайрен кивнул так, точно другого и не ждал. Он развязал молодого и худого, сказал им что-то короткое и толкнул прочь, в пустую долину, и они побежали вниз, спотыкаясь, не оглядываясь. Бородатого он оставил связанным, рядом с оглушённым. Вытащил у оглушённого из-под рубахи шнурок, на котором висела плоская серая пластина размером с ладонь, с вырезанными по краю знаками, посмотрел на неё мгновение и сорвал. Сделана она была из тёмного камня, тяжёлого даже на вид, и знаки по её краю, мелкие и угловатые, не походили ни на одну из букв, которые я уже видела на здешних стенах.

Передние мёртвые были уже в двадцати шагах. Я слышала, как скрипят по камням их сапоги и лязгает железо.

Аш повернул голову и посмотрел на них сверху вниз. Потом поднял хвост и одним широким ударом смёл передний ряд с гребня. Они покатались вниз, увлекая за собой тех, кто лез следом, ломаясь, теряя руки и головы, и склон на мгновение очистился. Мгновения хватило. Кайрен уже сидел позади меня.

— Бери, — сказал он.

Аш наклонился над связанными. От него шло презрение, холодное и древнее, как у того, кому приходится поднимать с пола то, что уронила собака. Он сомкнул когти вокруг бородатого, осторожно, очень осторожно, потом вокруг оглушённого, и бородатый закричал. Аш не обратил внимания. Мы оторвались от земли тяжело, с третьего взмаха, и когда я посмотрела вниз, мёртвые уже стояли на гребне там, где мы только что были, и задирали к нам белые глаза.

Полёт обратно я помню плохо. Ветер, крики снизу, из лап, которые сначала были громкими, потом тихими, а потом стихли, и я испугалась, что кто-то умер, но Кайрен сказал мне в ухо: «Обморок, это к лучшему». Девочка больше не спала. Она сидела у меня на коленях, завернутая в куртку, и смотрела вниз огромными глазами. Один раз она спросила очень тихо: «А деда?» Я не нашла ответа и только прижала её к себе крепче.

Усталость Аша шла ко мне с каждым взмахом сильнее, тупая и тяжёлая, и к середине пути я задыхалась сама, точно это я несла в когтях двух взрослых мужчин через горы. Он летел ниже и медленнее, подолгу скользил на неподвижных крыльях. Я положила ладонь ему на шею и держала её там до самого замка. Не знаю, помогало ли это ему. Мне помогало.

Замок показался на закате, красный от низкого солнца. Озеро под скалой лежало чёрное и гладкое, в нём отражались башни, и по этому отражению скользила наша тень, огромная, с провисшими от усталости крыльями. Над замковыми стенами уже зажгли факелы, и с высоты они выглядели как горсть искр, брошенная на тёмный камень. Аш опустил прямо во двор, потому что в Гнездо с грузом в лапах было не спуститься, и люди разбежались к стенам, в конюшнях забились кони, какая-то женщина закричала. Аш разжал когти. Двое связанных упали на камни, как мешки. Потом он и сам лёг посреди двора, положил голову на лапы и закрыл глаза.

Рейна уже шла к нам. Увидев девочку у меня на руках, она остановилась.

— Белый Ручей, — сказал Кайрен, прыгивая. — Её дед умер ночью и встал.

Рейна ни о чём не спросила. Она протянула руки, и я отдала ей девочку, и та пошла к ней без сопротивления и уткнулась лицом ей в плечо. Рейна гладила её по спине неловко, как человек, который давно этого не делал и успел забыть как.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Ина, — ответила девочка ей в плечо.

— Пойдём, Ина. Тебе нужно поесть, а потом спать. В кухне у очага есть место, там тепло и собаки.

Они ушли. Я смотрела им вслед и думала, что никогда бы не поверила, что Рейна умеет держать детей.

Вернулась она быстро, одна, уже без девочки, и остановилась возле меня, глядя на спящего дракона. Руки у неё были в муке, видно, сама усаживала Ину у кухонного очага и совала ей хлеб.

— Ты отдала ей свою куртку, — сказала она. — В воздухе, над перевалами, в середине зимы.

— Ей было холоднее, — ответила я.

— Тебе нельзя болеть, — сказала Рейна тем же ровным голосом, каким объясняла мне правила замка. — Ребёнку можно. Ребёнка вылечат, а если не вылечат, это горе для одной семьи. Если сляжешь ты, он не взлетит. — Она кивнула на Аша. — Запомни это, наездница, и в следующий раз думай счётом. Сердцем тут думают все, кроме меня.

Я хотела возразить, что минуту назад, с Иной на руках, она сама считала плохо, но промолчала. Рейна постояла ещё немного, сдёрнула с себя шерстяной платок, накинула мне на плечи коротким сердитым движением и ушла в дом, не оглянувшись.

Пленных уволок вниз, в подвалы под главной башней. Кайрен ушёл за ними, коротко бросив Брану несколько слов. Я осталась во дворе, рядом с Ашем. Уйти от него сейчас я не могла. Ноги держали плохо, руки тряслись, и через связь от него шла такая усталость, что мне самой хотелось лечь на камни и не вставать.

Двор понемногу оживал. Люди возвращались от стен, конюхи успокаивали лошадей, кто-то тащил ведра к колодцу. На меня смотрели. Теперь я знала этот взгляд: страх пополам с неприязнью и ещё чем-то новым, чего утром не было. Они видели, как дракон опустил во двор двух пленных, как я слезла с него с ребёнком на руках. Кто-то из них, наверное, видел и белое зарево на юге, когда мы жгли колонну. Здесь хорошо умели читать небо.

Торн принёс мне свою куртку взамен той, что я отдала Ине, и молча накинул на плечи. Он постоял, глядя на спящего Аша, и спросил, видели ли мы южный дозор.

— Мы видели колонну, — сказала я. — Дозора не видели.

Торн кивнул, и лицо у него стало очень взрослым. Он рассказал, глядя на драконий бок, что в дозоре был его двоюродный брат, Ольмар, старше на три года, что Ольмар учил его ставить силки на зайцев и дразнил за то, что Торн боится высоты. Говорил он ровно, без слёз, и от этой ровности мне стало хуже, чем от слёз.

— Может, он ещё вернётся, — сказала я, сама себе не веря.

— Может, — ответил Торн, и по его голосу было ясно, что он тоже не верит. — А как это было? Когда он жёг?

— Страшно, Торн. И правильно. Одновременно, — ответила я, потому что подбирать слова не хотела.

Он больше ничего не спрашивал, только сел рядом на ступени колодца, и мы сидели так, пока небо не стало тёмно-синим. Аш дышал ровно и глубоко. Через связь от него уже не шло ничего, кроме сна, тяжёлого, тёмного и без сновидений, и я поймала себя на том, что прислушиваюсь к этому сну, как прислушиваются ночью к дыханию больного. Пока он дышал, мне было не так страшно.

Когда совсем стемнело, я встала. Торн поднялся было за мной, но я покачала головой, и он остался у колодца, рядом с драконом. Я пошла к главной башне.

Кайрен стоял на верхней ступени лестницы, ведущей в подвалы, и разговаривал с Браном. Увидев меня, он замолчал.

— Тебе не нужно туда спускаться, — сказал он.

— Нужно, — ответила я. — Это теперь мой мир. Я не хочу, чтобы от меня прятали, как он устроен.

Он помедлил. Потом повернулся и пошёл вниз, ничего не запретив, и я пошла следом.

Подвал был низкий, сырой, с каменным полом и с желобом вдоль стены, в котором стояла тёмная вода. Горели два факела. Бородатого и того, что носил пластину, привязали за руки к кольцам в стене. Оба пришли в себя и смотрели на Кайрена. Бран встал у двери, скрестив руки на груди, и посмотрел на меня тяжело, но промолчал.

— Что это? — спросил Кайрен, присев на корточки перед тем, что со шнурком, и показав ему серую пластину.

Пленный молчал. Он был молод, лет двадцати пяти, светловолосый, с тонким лицом, на котором наливался синяк. Смотрел он на Кайрена с ненавистью.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Кайрен.

— Знаю, — сказал пленный. — Вальт. Драконье отродье.

— Тогда ты знаешь, что я не трачу время. Я задаю вопрос, ты отвечаешь. Солжёшь — я узнаю.

— Я ничего тебе не скажу, — выплюнул пленный.

Кайрен кивнул, принимая ответ к сведению. Потом встал, повернулся к бородатому и, не меняясь в лице, одним движением вытащил из-за пояса нож и перерезал бородатому горло.

Я увидела это очень чётко и очень медленно. Лезвие вошло под челюсть слева и вышло справа. Бородатый дёрнулся, захрипел, кровь хлынула ему на грудь, тёмная в свете факелов, и он смотрел на Кайрена выпученными глазами, пытаясь что-то сказать. Потом его голова упала. Кровь ещё какое-то время текла по зелёному плащу, по золотой полосе на нём, на пол и в желоб, в тёмную воду.

Меня затошнило так, что я схватилась за стену. Отворачиваться я не стала. Я держалась за мокрый холодный камень и дышала медленно, через нос, заставляя себя смотреть, как бородатый затихает, как Бран у двери даже не шевельнулся, как Кайрен неторопливо вытирает нож о плащ мёртвого.

И тогда Кайрен поднял голову и посмотрел на меня, в ту самую секунду, когда меня качнуло и я чуть не упала. Коротко, один раз, и отвёл глаза. Я не поняла, что было в этом взгляде.

Под грудиной шевельнулся Аш. Он спал там, наверху, во дворе, но сквозь сон дотянулся до меня, и я почувствовала его рядом. Он ничего не делал и ничего не показывал, просто был, огромный, тёплый и тяжёлый, и пол у меня под ногами перестал качаться. Я выпрямилась.

Молодой пленный стал белым, как бумага, и синяк на его лице проступил ещё ярче. Кайрен даже не посмотрел на мёртвого. Он бросил через плечо: «Бран. Голову. Пока не встал», — и Бран, не меняясь в лице, вытащил из-за пояса топор. Я услышала короткий глухой удар и не стала смотреть второй раз. Это было единственное, от чего я отвела глаза в тот вечер.

— Он был солдатом, — сказал Кайрен, снова опускаясь перед ним на корточки. — Он знал только то, что ему приказали, и мне был не нужен. Ты знаешь больше, раз носил это. Если будешь молчать, быстро ты не умрёшь. Я отвезу тебя обратно в Седловину и оставлю на дороге, связанным и без этой вещи. Посмотришь, как быстро они ходят.

Губы у пленного беззвучно шевелились. Кайрен ждал, подняв пластину к свету, и не повторял вопроса.

— Знак Серхана, — сказал пленный, и голос у него сорвался. — Кто его носит, того мёртвые не видят. Не трогают. И слушаются.

— Кто тебе его дал? — спросил Кайрен.

— Мой лорд, Эрвин из Хедде. А ему — король Орвенна.

— Зачем? — Кайрен не повысил голоса.

— Чтобы вести, — заговорил пленный быстро, точно боялся, что если остановится, то уже не сможет продолжить. — Мёртвые идут сами, куда им велено, но они не знают дорог. Их нужно водить через перевалы, через проходы, которые охраняются. Мы показываем, куда идти, и открываем ворота на заставах. За это нам платят.

— Кто платит и чем? — спросил Кайрен.

— Серхан, — ответил пленный и облизнул губы. — Золотом, старым, драконьим. Он знает, где лежат клады Драконьих домов, потому что мёртвые знают. Те, кто их закапывал. Он спрашивает, и они ведут. — Пленный сглотнул. — И обещаниями. Кто ему поможет, того королевства мёртвые обойдут. А когда север опустеет, помощникам достанется всё, что на нём было.

Тошнота отступила, и после неё осталась холодная пустая ясность. Я складывала услышанное так, как складывала на работе цепочки поставок. Армия огромная, медленная и не знает дорог. Королевства, которые её боятся, дают ей проводников и открывают проходы. Расплачивается Серхан золотом, которое ему выкапывают сами мёртвые, а сверх того продаёт обещание безопасности, которое ему ничего не стоит. Схема была простая и очень экономная. Попадись мне такой подрядчик в прошлой жизни, я бы переманивала его всеми силами.

— Сколько королевств? — спросила я.

Я не собиралась ничего говорить, слова вырвались сами. Бран у двери посмотрел на меня с таким удивлением, с каким смотрят на заговорившую стену. Пленный повернул голову.

— Ты наездница, — сказал он. — Та самая.

— Сколько королевств продано Серхану? — спросила я снова, другими словами, чтобы он не решил, что может не отвечать.

— Точно не знаю, — ответил он, помедлив и переводя взгляд с меня на Кайрена. — Орвенн продан. Дастар тоже, я видел их людей на юге, у переправы. Про Лисс говорили. Говорили, что половина уже взяла золото, а остальные ждут, кто предложит больше.

Никто ничего не сказал. Факелы трещали, кровь бородатого капала в желоб всё реже.

— Где Серхан? — спросил Кайрен.

— Никто не знает. Он не показывается. Он говорит через мёртвых. Один из них подходит к тебе и говорит его голосом. — Пленного передёрнуло. — Я слышал это один раз и больше не хочу.

— Южный дозор, — сказал Кайрен. — Двенадцать человек. Шли через Седловину четыре дня назад.

— Мы были с колонной, — ответил пленный тише, чем раньше, и отвёл глаза. — Они вышли на нас из-за поворота, их было мало. Мы вели мёртвым.

Кайрен поднялся и встал над ним. Лицо его в свете факела было неподвижным, и от этой неподвижности у меня по спине побежал холод. Бран шагнул от двери, но Кайрен, не оборачиваясь, поднял руку, и тот замер.

— Уведи его, — сказал Кайрен. — Запри. Дай воды и хлеба. Он ещё понадобится.

Бран отвязал пленного и поволок к выходу. Тот не сопротивлялся. На пороге он обернулся и посмотрел на меня, и в его глазах мелькнул странный, болезненный интерес, которого я не поняла.

Мы остались вдвоём, если не считать мёртвого у стены. Кайрен стоял ко мне спиной.

— Двенадцать человек, — сказал он. — Я знал их всех. Одного я сам учил держать меч, когда он был младше Торна.

Я подумала про Торна у колодца, про Ольмара, который учил его ставить силки, и про молчала. Всё, что приходило на ум, было бы фальшивым.

— Ты не ушла, — сказал он наконец. — Почему?

— Потому что решила смотреть, — ответила я. — Если я здесь живу, я должна знать, как здесь живут. Отвернусь один раз, потом буду отворачиваться всегда.

Он обернулся и посмотрел на меня долго, и в его светлых глазах было то, чего я раньше в них не видела. Похоже на признание, хотя уверенности у меня не было.

— Он был всего лишь солдатом, — сказала я, кивнув на бородатого. — Его просто поставили в ту колонну.

— Он шёл с теми, кто скормил мёртвым моих людей, — сказал Кайрен.

Я выдержала его взгляд. Спорить я не стала, соглашаться тоже. Я видела, зачем он начал с бородатого, а не с угроз: второй пленный поверил сразу и сразу заговорил. Это было жестоко и точно, и мне предстояло научиться жить рядом с этой точностью.

— Мы узнали, что нужно, — сказал Кайрен. — Только ничего это не меняет. Половина королевств продана, другая за меня воевать не станет, меня там ненавидят сильнее, чем боятся Серхана. — Он помолчал. — У меня есть замок, пара сотен воинов и дракон, который летает только с тобой. А ты летать не умеешь.

В его голосе не было упрёка, только итог, подведённый в конце долгого дня. Он повертел в пальцах серую пластину и спрятал её за пазуху, к той цепочке, которую снял с седого в сожжённой крепости. Я вспомнила, как он ходил тогда между мёртвыми и называл их по именам.

— Их ведут живые, — сказала я. — Без проводников колонна не найдёт перевалов. Если убирать проводников, мёртвые пойдут медленнее.

— Верно, — согласился он. — Только Серхан купит новых, золота у него больше, чем у меня людей. — Он посмотрел на меня внимательнее. — Но думаешь ты правильно. Об этом я поговорю с Рейной.

— А то, что умеете вы? — спросила я. — Вы летали на нём десять лет.

— Я сидел на нём десять лет, — ответил Кайрен. — Он нёс меня, куда я велел, когда сам этого хотел, и ни разу не дал почувствовать, как он летит. В библиотеке остались записи Драконьих домов. Их сто лет никто не открывал, кроме меня. Там написано, как учат наездников. Там написано всё, кроме того, что делать, если дракон тебя не пускает.

Он сказал это спокойно, и я поняла, что за этой фразой стоят годы, о которых он рассказывать не станет. Мне захотелось спросить, сколько раз он открывал эти записи ночью, один, при свече, но я не спросила. Такие вопросы задают, когда готовы услышать ответ, а я пока не была готова.

Перед глазами у меня стояли связь, раскрывшаяся в воздухе, как раскрывается ладонь, белый огонь, льющийся в долину, и колонна, которая шла дальше, даже не заметив. И Аш, едва дотянувший до замка. Он и сейчас спал там, наверху, и его сон был тяжёлым и тёмным, а завтра ему снова понадобятся силы, и послезавтра, и я не знала, откуда он их возьмёт, если я так и буду сидеть у него на спине, вцепившись в петли.

— Тогда научите меня летать, — сказала я. — По-настоящему.

Глава 6. Обучение

На второй день я упала с дракона. Случилось это над озером, на развороте, который я делала уже раз двадцать и который, по моему мнению, получался у меня прекрасно. Аш заложил крутой вираж, я накренилась вместе с ним, как он меня учил, и в этот момент петля, за которую я держалась, выскользнула из мокрой от снега перчатки. Меня сорвало с седла легко и почти ласково. Мгновение я висела в воздухе рядом с драконьим боком, видела совсем близко его чешую, мокрую и серую, а потом началось падение, и озеро внизу стало большим и очень чёрным.

Кричать я не стала, Кайрен велел не кричать. Я летела вниз спиной, раскинув руки, и думала почему-то о том, что так и не отправила отчёт по казанским отгрузкам, и что Гусев, наверное, до сих пор ждёт, и что в прошлый раз, над озером, я уже решила, что это моя вторая смерть за неделю, а третья была бы откровенным перебором.

Аш поймал меня над самой водой. Я не видела, как он развернулся, только почувствовала через связь его рывок, злой и отчаянный, а потом меня сдавило поперёк туловища, и мир дёрнулся, и вместо чёрной воды я увидела серое небо. Он держал меня в когтях, как держал пленных, но совсем иначе, бережно, так, что не хрустнуло ни одно ребро. Над самыми волнами он пронёс меня к берегу и опустил на гальку у подножия скалы, а сам сел рядом, тяжело, взметнув крыльями снег.

Я лежала на спине и смотрела в небо. Через связь от него шло столько всего сразу, что я не могла разобрать. Злость на меня и на мокрую петлю мешалась со страхом, огромным и древним, какого я от него раньше не чувствовала, а поверх всего шло облегчение, горячее, как его дыхание, которое он выдохнул мне прямо в лицо, опустив голову к самой гальке.

— Я жива, — сказала я ему. — Всё в порядке. Я жива.

Он фыркнул. От него пришло ощущение, которое я уже научилась узнавать: тяжёлое, раздражённое, почти родительское. Так смотрит мать на ребёнка, который залез на шкаф, упал и теперь сидит на полу, удивлённый, но целый.

Сверху, со стены, донёсся крик. Я повернула голову. Вдоль всей стены, от южной башни до северной, стояли люди и смотрели вниз, на нас. А на самой южной башне, у зубцов, стоял Кайрен. Он стоял неподвижно, и даже отсюда, с берега, я видела, как белеют его пальцы на камне.

Потом он повернулся и ушёл с башни. Через четверть часа он спустился к берегу по узкой тропе, вырубленной в скале, подошёл ко мне и молча протянул новые перчатки. Толстые, кожаные, с грубой шершавой ладонью.

— Эти не скользят, — сказал он. — Надевай. Он ждёт.

Я надела, и мы взлетели снова. До темноты я сделала этот разворот ещё тридцать раз.

Всё началось утром после допроса, в библиотеке. Так в замке Вальт называли длинную узкую комнату на верхнем этаже главной башни, с одним окном в торце и с полками от пола до потолка, где стояли связки пергаментов, перетянутые кожаными ремешками, и толстые тома в деревянных переплётах. Пахло пылью и старым воском. На длинном столе посередине лежало несколько раскрытых томов, придавленных по углам подсвечниками.

Кайрен стоял у стола, когда я вошла. Он не обернулся, только кивнул на табурет напротив.

— Садись, — сказал он. — Это записи Дома Вальт. Всё, что осталось после войны. Здесь описано, как учили наездников, от первого дня до последнего.

Я села и наклонилась над раскрытой страницей. Страница была покрыта мелкими угловатыми знаками, выведенными тёмно-коричневыми чернилами, с рисунками на полях: кры-

ля, изогнутые под разными углами, фигурка человека на драконьей спине, стрелки, линии. Я смотрела на знаки и ничего в них не понимала.

Вот тогда я и выяснила, что читать по-здешнему не умею. Говорить умела, понимала всё и отвечала, не задумываясь, горловыми звуками чужого языка, точно выросла среди них. А написанное оставалось для меня узором, красивым и совершенно немым. Та сила, которая засунула мне в голову язык, видимо, решила, что грамотность — это уже излишество.

Я сказала об этом Кайрену. Он посмотрел на меня поверх книги долгим взглядом, в котором я впервые уловила что-то похожее на растерянность, и ничего не ответил. Потом придвинул к себе том, нашёл нужную страницу и начал читать вслух.

Читал он ровно, без выражения, как читают приказы. «В первые дни наездник не управляет драконом. Наездник учится молчать. Дракон слышит страх наездника громче его воли, и пока наездник боится, дракон будет слушать страх». Он перевернул страницу. «Не держи дракона руками. Руки нужны, чтобы не упасть. Держи дракона тем, что внутри. Если ты чувствуешь, куда он хочет повернуть, повернёшь вместе с ним. Если ты хочешь повернуть туда, куда он не хочет, спроси себя, кто из вас лучше знает небо».

Он читал долго. Я слушала и смотрела на его руки на пергаменте, на длинные пальцы, которые придерживали ломкие края страниц так осторожно, как держат что-то живое, и думала о том, сколько раз он перечитывал эти страницы один. Места, которые он читал, он знал почти наизусть. Я видела, как он заранее, не глядя, переходит к следующей строке.

— «Связь — это разговор», — прочитал он в самом конце, и голос у него на мгновение стал тише. — «Тот, кто приказывает дракону, всегда будет летать один».

Он закрыл книгу и какое-то время держал на ней ладонь. Свеча рядом с его рукой оплыла и накренилась, но он этого не замечал.

— Я прочитал это впервые в пятнадцать лет, — сказал он, глядя на обложку. — И решил, что это для слабых.

Больше он ничего не сказал. Встал и ушёл к окну, и я сидела над закрытой книгой и думала о том, что только что услышала гораздо больше, чем он хотел мне сказать.

Первое, что я выучила: Аш терпеть не мог седло. Он позволял его надевать, но всякий раз, когда ремни затягивались, Аш раздражался, глухо и нудно, как ноет зуб. В записях Дома Вальт я не нашла ни слова о сёдлах. Кайрен, когда я его спросила, ответил, что при Драконьих домах наездники летали на обвязке, из тонких ремней, прямо на голой спине, и что седло он заказал сам, потому что без него не держался.

Я посмотрела на седло с его высокой задней лукой и на Аша, который смотрел на седло с выражением, которое у людей называется «опять ты». Решение было очевидным.

— Сделайте обвязку, — сказала я.

Её сделали за два дня. Кожевник, старый, с узловатыми руками, которого Рейна привела из нижнего города, три часа ходил вокруг Аша, обмеряя его верёвкой и бормоча под нос. Аш терпел. Когда кожевник приблизился к его морде, чтобы что-то там обмерить, Аш открыл один глаз и посмотрел на него, и кожевник уронил верёвку. На этом обмеры закончились.

Обвязка оказалась простой: широкий кожаный пояс, который охватывал драконью шею у основания, и два ремня от него к моему поясу, короткие, с железными кольцами. Держаться полагалось за выступы гребня руками, а ноги упирать в сгибы крыльев. Когда её надели в первый раз, Аш повёл плечами, проверяя, и через связь от него пришло то, что я могла бы назвать только одним словом: «наконец-то».

Летать без седла было страшнее. Я чувствовала под собой каждое движение его мышц, и первые два дня от страха у меня так сводило ноги, что вечером я не могла ходить. Но связь без седла стала другой. Между мной и Ашем больше не было толстой кожи, и я чувствовала его телом так же хорошо, как изнутри, и эти два чувства складывались в одно, общее, в котором я переставала понимать, где кончаюсь я.

Летали мы каждый день, от рассвета до темноты. Утро начиналось в Гнезде, в серых сумерках, когда озеро внизу ещё дымилось туманом и ветер тянул в арку сырость. Я приходила туда затемно, пока в замке все спали, и садилась рядом с Ашем, и мы какое-то время просто сидели. Я научилась этому на второй день, после того как поняла, что если сразу лезть на спину, всё будет получаться плохо. Он должен был проснуться, и я должна была проснуться, и мы должны были услышать друг друга, прежде чем подниматься в воздух. Иногда на это уходило полчаса.

Потом был прыжок из арки, вниз, к воде, от которого у меня каждый раз обрывалось всё внутри, сколько бы раз я его ни делала. Потом крылья, рывок, вверх. И небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.